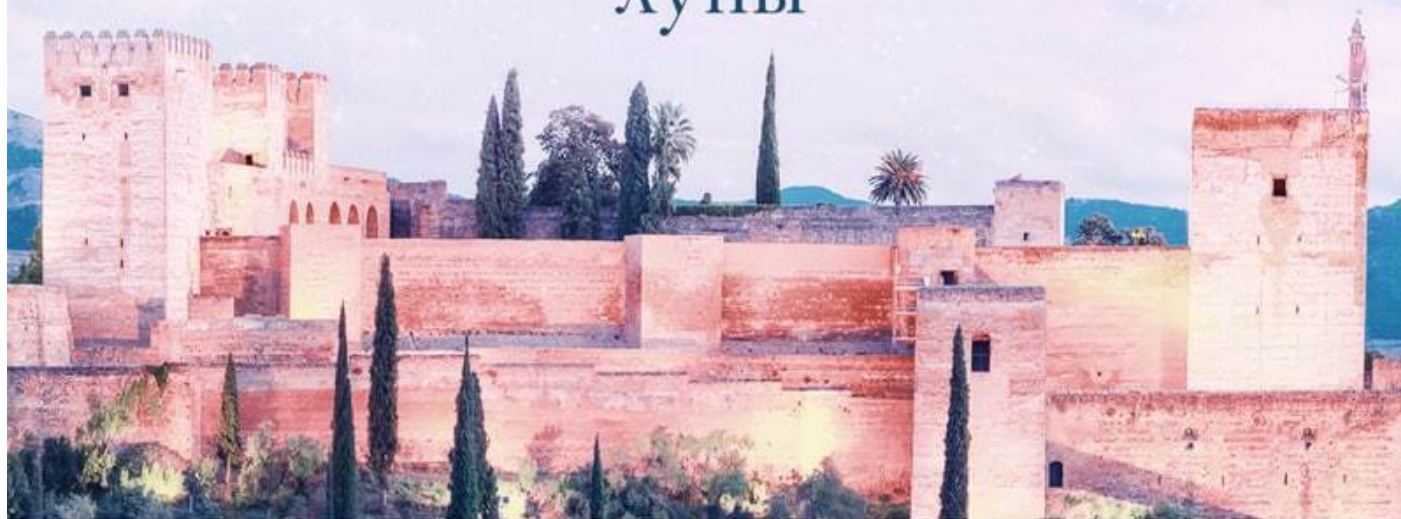

INSPIRIA

Люсинда
Райли

Семь Сестер

Сестра
луны

INSPIRIA

Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра луны

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Райли Л.

Семь сестер. Сестра луны / Л. Райли — «Эксмо», 2018 — (Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли)

ISBN 978-5-04-250260-6

Тигги Деплеси всегда жила в гармонии с природой. Поэтому она выбрала для себя работу с дикими животными. Но череда драматичных событий, в том числе смерть ее приемного отца Па Солта, заставляют Тигги многое изменить в своей жизни. Чтобы понять, кем она хочет быть на самом деле, Тигги отправляется в солнечную Испанию, Гранаду, где, как она подозревает, живет ее настоящая семья. Так Тигги погружается в неразрывно связанную с гражданской войной 30-х годов историю своих предков, испанских цыган, среди которых были прекрасные музыканты и, что интригует Тигги больше всего, одна великолепная танцовщица фламенко, чья история станет для «сестры луны» своего рода новой путеводной звездой.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-250260-6

© Райли Л., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Часть I	9
Тигги	10
1	10
2	23
3	27
4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Люсинда Райли

Семь сестер. Сестра луны

Lucinda Riley
The Moon Sister

© Lucinda Riley, 2018

© Красневская З., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Люсинда
Райли

Семь
Сестер
Сестра луны

INSPIRIA
Москва

Жаклин

Подруге, неоценимой помощнице и сестре в другой жизни

Стань тем изменением, которое ты хочешь увидеть в этом мире.

Махатма Ганди

Часть I

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт – приемный отец сестер (умер)

Марина (Ма) – гувернантка сестер

Клавдия – экономка в Атлантисе

Георг Гофман – нотариус Па Солта

Кристиан – шкипер, капитан катера

Сестры Деппеси

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Тигги

Инвернесс, Шотландия

Ноябрь 2007 года

*Еж европейский
(Erinaceus europaeus)*

«Хотчивитчи» на языке рома́, на котором разговаривают британские цыгане

1

– Я точно помню, где был и что делал в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца.

– Я тоже хорошо помню все подробности того дня.

Чарли Киннаирд пристально уставился на меня своими пронзительно голубыми глазами.

– И где же вы тогда находились?

– В заповеднике у Маргарет. Сгребала лопатой навоз, прибиралась за оленями. Конечно, хотелось бы заниматься чем-то более возвышенным, чем возиться с какашками. Но как было, так и было. На самом деле все нормально. Хотя... – Я нервно сглотнула подступивший к горлу комок. Интересно, каким таким макаром наш разговор, точнее, мой *допрос*, вдруг неожиданно для меня самой вырулил на тему смерти Па Солта? Я сидела в душной больничной столовой напротив доктора Чарли Киннаирда. Стоило ему только войти в помещение, и он тут же привлек к себе всеобщее внимание. Что сразу же бросилось в глаза. Ну, да, он, конечно, очень хорош собой: высокий, стройный, подтянутый, в элегантном сером костюме, явно сшитом на заказ у хорошего мастера. И эта копна волнистых каштановых кудрей на голове. Но не только поэтому он сразу же делается заметным в любом пространстве. В нем есть что-то, что безошибочно выдает человека, наделенного властными полномочиями. Несколько сотрудников больницы, сидевших за соседними столиками, потягивая свой кофе, тут же подняли на него глаза, когда он проходил мимо, и уважительно поздоровались. Но вот он подошел ко мне и протянул руку для приветствия. Мы обменялись рукопожатиями, и я тут же почувствовала, как искра

пробежала по всему моему телу. Он уселся на стул напротив меня и стал машинально вертеть своими длинными тонкими пальцами пейджер, выдавая тем самым едва заметную нервозность.

– Что значит «хотя», мисс Деппеси? – с явно выраженным шотландским акцентом поинтересовался у меня доктор. Я поняла, что он отнюдь не собирается пока снимать меня с крючка, на который я сама же и попала.

– Мм, – протянула я неопределенно. – Видите ли, я до сих пор не уверена, что Па Солт умер. То есть, конечно же, он *умер*. Его больше нет, и все это знают. Разве стал бы он устраивать столь дурацкий розыгрыш вокруг своих похорон и всего остального, зная, какой болью отзовется его смерть в сердцах всех его дочерей? Однако у меня все время такое чувство, что папа где-то рядом.

– Что ж, если это приносит вам утешение, то такая реакция на смерть близкого человека представляется мне вполне нормальной, – отозвался доктор Киннаирд. – Мне многие безутешные родственники признавались потом, уже после похорон, что чувствуют рядом с собой присутствие того человека, которого они любили, но потеряли.

– Конечно, – промямлила я в ответ, невольно отметив про себя тот покровительственный тон, которым со мной беседуют. Впрочем, а чего хотеть? Мне лишний раз напомнили, что я разговариваю с врачом, то есть с человеком, который привык регулярно сталкиваться со смертью, с уходом из жизни тех, кто кому-то дорог.

– Забавно, однако, – вздохнул он, взял со стола пейджер и снова принялся вертеть его в руках. – А вот у меня... Я же говорил вам, что мой отец тоже недавно умер... Так вот, у меня все было по-другому. Меня потом долгие месяцы буквально изводили всякие кошмары. По ночам мне снилось, что отец *поднимается из могилы*! Представляете себе? И это было ужасно.

– Вы не были близки со своим отцом, да?

– К сожалению, не были. То есть он был моим биологическим отцом, но на этом все наши с ним отношения и заканчивались. У нас с ним было мало общего. А вы, как я догадываюсь, были очень близки со своим покойным отцом?

– Да. А ведь и я, и все мои остальные сестры, мы ему не родные дочери. Мы его приемные дети. Он удочерил всех нас еще в младенческом возрасте. То есть получается, что, по иронии судьбы, между ним и нами нет никаких родственных уз в привычном понимании этого слова. Но невозможно себе представить, что можно любить человека больше, чем любила его я. Он был изумительным, наш отец. Потрясающий человек!

Чарли невольно улыбнулся, услышав мою эмоциональную реплику.

– Что ж, это лишний раз подтверждает, что биология не всегда является главной и определяющей в наших взаимоотношениях с родителями. Все дело случая, не так ли? Лотерея, одним словом.

– Лично я так не считаю, – возразила я, вознамерившись все же оставить за собой право голоса. Собственно, я всегда так делаю. Даже при приеме на работу, во время собеседований, смело отстаиваю свое мнение. – Думаю, все мы не случайно посланы друг другу, а есть между нами кровная связь или ее нет, это не так уж и важно.

– То есть, по-вашему, все предначертано свыше, да? – Он бросил циничный взгляд на потолок.

– Да, я так считаю. Хотя и знаю, что многие со мной не согласятся.

– Боюсь, я уж точно не соглашусь. Я, видите ли, по роду своей деятельности кардиохирург. То есть практически ежедневно имею дело с человеческим сердцем. Которое мы, люди, привыкли романтизировать и наделять всяческими эмоциями и чувствами. Словом, сами грузим свое сердце избыточными проблемами. А моему взору предстает мускулистая ткань, самый обычный мускул, зачастую утративший способность функционировать нормально. Меня ведь учили воспринимать окружающий мир исключительно с научной точки зрения.

– Ну, при желании науку тоже можно одухотворить, – снова возразила я в ответ. – Я тоже интенсивно занималась самыми разными научными исследованиями и могу со знанием дела утверждать, что многие вещи вокруг нас наука пока бессильна объяснить.

– Вы правы. Однако... – Доктор Киннаирд мельком глянул на свои часы. – Однако мы с вами порядком уклонились от темы нашего разговора, а я уже через пятнадцать минут должен быть на рабочем месте. Поэтому давайте снова вернемся к нашим делам. Что именно Маргарет успела рассказать вам об имении Киннаирд?

– Она сообщила мне, что это более сорока тысяч акров дикой природы. А также сказала, что вы ищете человека, который знает местную фауну, то есть тех животных, которые могут обитать в этой среде. В частности, она упомянула о диких европейских кошках.

– Все верно. После смерти отца имение перешло ко мне. Отец использовал его, главным образом, для собственных увеселений на протяжении многих и многих лет. Охота, рыбалка... Все эти стрельбища, сопровождающиеся обильной выпивкой, полностью опустошающей все запасы местных винокурных заводов. Словом, на экологию моему отцу было глубоко наплевать. Впрочем, если быть справедливым до конца, то вина лежит не только на нем. И его отец, и его дед, и прадед, словом, все прежние хозяева Киннаирда, владевшие этими территориями на протяжении последнего столетия – все они были счастливы получать деньги за заготовку и продажу корабельного леса. А остальное их мало интересовало. Стояли себе в сторонке и таращились с довольным видом на то, как безжалостно, под корень, вырубались огромные массивы наиценнейших сосновых лесов. Настоящий Каледонский лес, между прочим. А им в то время и дела не было до всего этого. Но *мы-то с вами* живем уже в другое время. И в наш просвещенный век нам есть дело до всего. В том числе и до всех тех проблем, что связаны с защитой окружающей среды. Конечно, я прекрасно отдаю себе отчет в том, что время нельзя повернуть вспять, нельзя остановить все эти разрушительные процессы... Во всяком случае, такое едва ли случится при моей жизни. Но я хочу хотя бы начать. Вот нанял себе в имение самого лучшего управляющего во всей Высокогорной Шотландии. Он займется реализацией проекта по восстановлению лесов. Потом привели в порядок охотничий домик, в котором жил отец. Будем сдавать его в аренду за умеренную плату тем гостям, которые захотят вдохнуть свежий воздух нашего Высокогорья, а заодно и поохотиться, но все организовано, все под контролем.

– Конечно, – вяло согласилась я, стараясь ничем не выдать охватившую меня дрожь.

– Вы, как я понимаю, не одобряете все эти охотничьи развлечения? Даже если это на пользу популяции животных?

– Нет, я не одобряю такого способа регулирования поголовья. Убивать невинное создание... Нет! Хотя умом и понимаю, для чего это нужно, – поспешно добавила я. Как-никак, мысленно укорила я саму себя, а мне предлагают работу в высокогорном шотландском имении. А в этих местах охота на оленей широко распространена и разрешается законом.

– С вашим опытом и знаниями, вы, вне всякого сомнения, отлично представляете себе, какой колоссальный урон был нанесен дикой природе Шотландии человеком. Нарушился естественный баланс сил со всеми вытекающими отсюда последствиями. Практически полностью уничтожены популяции таких «санитаров леса», какими были в свое время волки и медведи. А в результате поголовье оленей стало стремительно увеличиваться. Их численность уже вышла из-под контроля. Сегодня в числе самых неотложных задач, стоящих перед нами, находится и эта: максимально снизить поголовье оленей. Но постараемся действовать гуманно и по всем правилам.

– Понимаю. Но хочу быть с вами предельно откровенной. Я никогда не смогу помочь вам во всем том, что связано с организацией охоты. Я привыкла защищать животных, а не убивать их.

– Вполне понимаю ваши чувства. Я, кстати, просмотрел ваш послужной список. Ваше резюме очень впечатляет. Как и наличие научной степени в области зоологии. Вы ведь, как я понимаю, специализируетесь на защите и охране животных, так?

– Да. В университете я изучала анатомию, биологию, генетику, разнообразные поведенческие модели животных в дикой природе. Все это бесценные знания. После окончания университета я какое-то время проработала в женевском зоопарке Сервион. Но вскоре поняла, что мне гораздо интереснее заниматься непосредственно дикими животными, возиться с ними, ухаживать, чем наблюдать за животными отстраненно, исследуя их ДНК в чашечках Петри. Я... у меня есть какое-то естественное чувство сродства с ними. И хотя у меня нет ветеринарного образования, я могу, при необходимости, помочь им, когда они больны. У меня это выходит как-то само собой. – Я неловко повела плечами, немного засмутившись от того, что, сев на своего любимого конька, невольно расхвсталась.

– О, Маргарет очень высоко отзывается о ваших способностях. Она рассказывала мне, что вы отменно выхаживали диких кошек в ее заповеднике.

– Разумеется, какую-то повседневную работу я, да, действительно выполняла. Однако настоящим экспертом в этом деле можно назвать именно Маргарет. Мы очень надеялись, что уже в этом году получим первое потомство диких кошек, что, кстати, является частью программы по возрождению дикой фауны. Однако, к великому сожалению, заповедник закрывается, а всех животных переселяют в другие места. Так что пополнения нашей популяции диких кошек мы едва ли дождемся. Скорее всего, они могут и вовсе отказаться от брачных игр в этом году. Ведь дикие кошки по своей природе очень чувствительны к любым переменам.

– Кэл Маккензи, мой управляющий, говорит то же самое. Вообще-то он совсем не в восторге от того, что нам предстоит приютить у себя кошек. Но ведь дикие кошки – это неотъемлемая часть шотландской фауны, а сегодня они стали настоящей редкостью. А потому я считаю, что наш долг помочь сохранить весь выводок. А Маргарет, со своей стороны, полагает, что если кто и поможет животным поскорее адаптироваться на новом месте, так это только вы, Тигги. Так вы не против понаблюдать за ними в течение нескольких недель, пока они не освоятся полностью в нашем имении?

– С удовольствием помогу. Однако, как мне кажется, одного ухода за дикими кошками явно недостаточно для полноценной загрузки на весь рабочий день. Чем еще я могу быть полезной здесь?

– Если честно, Тигги, то пока у меня еще не было времени обдумать как следует и во всех подробностях наши планы на будущее. У меня полно работы здесь, в клинике. А тут еще все эти хлопоты, связанные со вступлением в законные права наследования после смерти отца. Словом, дел по горло. Но мне бы очень хотелось, чтобы, пока вы будете с нами, вы занялись бы изучением нашего парка с точки зрения пригодности здешних земель для разведения и других диких животных. Так, к примеру, я мечтаю опять заселить наши леса обычными белками и горными зайцами, которые когда-то в изобилии водились в наших краях. Я даже подумываю о том, чтобы поселить здесь диких вепрей и оленей вапити. А еще мечтаю снова развести лосося в наших горных реках и озерах. Даже собираюсь заняться сооружением специальных запруд, чтобы заставить их нереститься на территории нашего парка. Словом, здесь бездна возможностей. Но главное – это правильно распорядиться имеющимися ресурсами.

– Да, звучит впечатляюще, – согласилась я с ним. – Хотя хочу предупредить вас сразу же, рыбы – это не моя специализация.

– Само собой! Со своей стороны, я тоже хочу *предупредить вас*, что пока финансовое состояние моих дел таково, что я могу предложить вам только оклад плюс проживание. Но я вам буду крайне признателен за любую помощь. Несмотря на то что я очень люблю Киннаирд, времени заниматься им вплотную у меня попросту нет. А потому забот с этим имением полным-полно.

– Но вы же уже давно знали, что рано или поздно имение перейдет в ваши руки, – резонно заметила я.

– Конечно, знал. Но одновременно был уверен в том, что мой отец из породы, так сказать, бессмертных. Никогда не умрет. Наверное, он и сам так считал, коль скоро даже не озаботился тем, чтобы составить полноценное завещание. Так и умер, без завещания. Хорошо хоть, что я у него – единственный наследник, а потому завещание в этом случае – всего лишь пустая формальность. Но бумажной работы при таком раскладе изрядно прибавилось. А мне оно нужно было? Вся эта бюрократическая волокита... Впрочем, по словам моего нотариуса, к январю со всей этой писаниной должно быть покончено.

– А как он умер, ваш отец? – спросила я.

– По иронии судьбы, он умер от сердечного приступа. Его даже вертолетом доставили ко мне сюда, в эту клинику. – Доктор Киннаирд подавил тяжелый вздох. – Правда, к этому момент он уже отошел в мир иной, причем весь в клубах спиртного. Вскрытие позже подтвердило присутствие большого количества алкоголя в организме.

– Наверное, пережить такое было совсем не просто, – невольно посочувствовала я своему собеседнику.

– Да, для меня смерть отца стала настоящим ударом, – согласился он со мной.

Он снова стал лихорадочно крутить в руке пейджер, выдавая тем самым свою внутреннюю нервозность.

– Так может, лучше продать имение, коль скоро вам оно не нужно?

– Продать земли, которыми мои предки владели более трехсот лет? – Доктор Киннаирд возмущенно сверкнул глазами и издал короткий смешок. – Ну, знаете ли! Не хочу, чтобы потом всю оставшуюся жизнь меня преследовали духи умерших членов моей семьи! И потом, я же должен хотя бы попытаться. Сделать хоть что-то ради своей дочери Зары. Она обожает Киннаирд. Дочери уже шестнадцать. Если бы она могла, она бы с радостью оставила школу хоть завтра и перебралась бы в имение, чтобы работать в парке полный день. Но я сказал, что вначале она должна закончить школу и получить образование, а потом уже все остальное.

– Все верно. – Я бросила на доктора уважительный взгляд. «Однако по его лицу никогда не скажешь, что у него есть дети», – подумала я про себя. – «Тем более такие взрослые».

– Из нее со временем получится отличная помещица, – продолжил отец. – Но я все же хочу, чтобы для начала она определилась со своей жизнью: окончила университет, попутешествовала по миру. Словом, огляделась по сторонам, а уже потом приняла вполне осознанное решение – всецело посвятить свою дальнейшую жизнь нашему фамильному имению, твердо зная, что это именно то, чего ей хочется.

– А я вот уже с четырех лет твердо знала, чем хочу заниматься в будущем. Когда увидела в одном документальном фильме, как убивают слонов ради их бивней. После школы даже раздумывать не стала. Сразу же пошла в университет. Отказалась даже от свободного года, который обычно тратят на всякие путешествия по миру. Собственно, я нигде и не была толком. – Я слегка пожалала плечами. – Работа заменила мне все путешествия. Познаю мир в процессе работы.

– Вот и Зара твердит мне то же самое. – Чарли Киннаирд слегка улыбнулся мне. – У меня такое чувство, что вы с ней должны отлично поладить. Понимаю, на сегодняшний день у меня один выход: бросить все здесь, – он широким взмахом руки обвел пространство вокруг себя, – и всецело посвятить свою жизнь имению. Во всяком случае, до тех пор, пока на смену мне не придет Зара. Но вся проблема в том, что на сегодняшний день наше имение финансово несостоятельно, и до тех пор, пока мы здесь не приведем все в относительный порядок, я не могу отказаться от своей каждодневной работы. А потом, признаюсь вам как на духу, я вовсе не уверен в том, что уже прямо сейчас готов вести жизнь деревенского помещика-лэрда. – Доктор снова глянул на свои часы. – Что ж, мне пора. А вам, я думаю, самое лучшее отправиться

в Киннаирд и ознакомиться со всем уже там, прямо на месте. Пока еще снега немного, но сильные снегопады ожидаются буквально со дня на день. Вам ведь следует иметь в виду, что наше имение расположено в очень удаленном месте.

– О, я живу вместе с Маргарет в ее доме, можно сказать, затерянном посреди пустошей. Так что глушь меня не пугает, – напомнила я ему.

– Ну, дом Маргарет – это оживленный район Таймс-сквер в сравнении с Киннаирдом, – ответил он. – Я сейчас перешлю вам эсэмэской номер мобильного Кэла, а также сообщу номер обычного домашнего телефона в охотничьем домике. Если вы позвоните по одному из этих номеров или оставите свое сообщение на автоответчике, то он, рано или поздно, обязательно прочитает его и перезвонит вам.

– Ладно. Я...

Пейджер снова издал писк, оборвав меня на полуслове.

– Мне действительно пора бежать. – Доктор Киннаирд поднялся из-за стола. – Если у вас возникнут какие-то дополнительные вопросы, смело задавайте их мне эсэмэской. А если вы заодно сообщите, когда точно собираетесь отправиться к нам в горы, то я постараюсь выкроить время и присоединиться к вам. И очень прошу вас, пожалуйста, серьезно подумайте над моим предложением. Вы действительно очень нужны мне. Спасибо, Тигги, что согласились на встречу со мной. А сейчас я вынужден откланяться. Всего вам доброго.

– До свидания, – попрощалась я и машинально проследила за тем, как доктор, ловко лавируя между столиками, заторопился к выходу из столовой. Странно, но настроение у меня было приподнятое. Почему-то я изначально почувствовала некое сродство с этим человеком. Чарли Киннаирд показался мне таким знакомым, словно я знала его много лет. Можно сказать, всегда. А почему *бы и нет*, с другой стороны, коль скоро я верю в реинкарнацию? Я закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на только что состоявшемся разговоре и проанализировать все те эмоции, которые вызвал во мне этот человек. Словом, сформулировать для себя самые первые впечатления, так сказать. Самоанализ поверг меня в шок. Первой на появление мистера Киннаирда отреагировала совсем не та часть моего тела, как это было бы должно. Такая благодатная взаимная симпатия с потенциальным работодателем, человеком гораздо старше меня самой. Но ничего подобного! В душе моей отозвались совсем другие струны.

«*Нет!* – Я поспешно открыла глаза и тоже поднялась из-за столика, намереваясь уйти. И тут же принялась увещевать себя. – *Что за ерунда лезет тебе в голову? У него почти взрослая дочь. То есть он гораздо старше, чем выглядит. И, вероятнее всего, женат*». Я стыдила себя всю дорогу, пока шла длинными больничными коридорами, и потом, когда уже вышла на улицу, где меня встретил туманный ноябрьский день. Над Инвернессом уже сгустились сумерки, хотя было еще только три часа после полудня.

Стоя в очереди на автобус, чтобы добраться до станции, я чувствовала, как меня сотрясает озноб, то ли от холода, то ли от пережитого возбуждения. Сама не могла толком разобраться в своем состоянии. Но при этом *знала точно*: предложенная работа меня заинтересовала. Даже несмотря на то, что она временная. Я достала свой мобильник, нашла эсэмэску от Чарли с телефоном Кэла Маккензи и тотчас же набрала его номер.

* * *

– Итак, – спросила у меня Маргарет, когда вечером того же дня мы с ней уселись возле камина с нашим традиционным вечерним напитком – чашечкой какао. – Как все прошло?

– Нормально. Вот собираюсь в четверг отправиться в имение Киннаирд.

– Отлично! – Маргарет тут же просияла, а ее ярко-голубые глаза зажглись на испещренном морщинами лице, словно два фонарика. – Ну и как тебе сам лэрд, как называют в наших краях помещиков?

– Он очень... мил. Да, был очень обходителен в разговоре со мной, – промямлила я. – Честно говоря, я ожидала увидеть совсем другого человека, – добавила я торопливо, надеясь в глубине души, что не выдала своего смущения краской на лице. – Думала увидеть человека гораздо старше. Такого лысого толстячка с объемным животом, безошибочно выдающим пристрастие к виски.

– Даже так? – весело рассмеялась Маргарет, видно, прочитав все мои мысли. – Нет, наш Чарли совсем не такой. Я его ведь знаю с самого раннего детства, можно сказать. Мой отец работал у них в имении еще на его дедушку. Чарли был таким славным молодым человеком. Хотя... хотя все мы понимали, что он совершает страшную ошибку, женись на той женщине. К тому же он был еще тогда так молод. Непозволительно молод! – Маргарет слегка округлила глаза. – Их дочь Зара славная девочка, по-моему. Правда, немного взбалмошна. Ну, да это простительно, если вспомнить, что детство у нее было не самым простым. Так расскажи мне, о чем конкретно вы беседовали с Чарли?

– Он попросил меня, наряду с присмотром за дикими кошками, изучить возможности завести на территории его природного парка и других диких животных, обитавших когда-то в тамошних местах. Но у меня такое впечатление, что сам он пока еще очень смутно... представляет себе весь объем работ. Пока никакой четкой организации там не прослеживается. Думаю, эта работа станет для меня временной, то есть до тех пор, пока я не обустрою наших кошек в новой для них среде обитания.

– Что ж, даже если эта работа и окажется временной, то уже само пребывание в имении Киннаирд многому тебя научит, как мне кажется. Может, там ты наконец начнешь осознавать одну непреложную истину: нельзя спасти всех животных, которые поступают под твою опеку. Да и не только животных. На людей это тоже распространяется. Хромая утка есть хромая утка, – обронила Маргарет, грустно улыбнувшись. – Тебе предстоит смириться с тем, что и у животных, и у людей, у каждого из нас, есть своя судьба, свой путь, который мы должны пройти до конца. Ты можешь только постараться чем-то помочь, но на этом все. Точка!

– Вы же знаете, Маргарет, я никогда не привыкну к виду страдающих животных. Никогда!

– Знаю, моя дорогая, знаю. Именно это твое качество, умение сострадать, и делает тебя такой непохожей на других. У тебя добрая душа, Тигги. Огромное сердце. Но, смотри, не надорви его раньше времени, не грузи его избыточными переживаниями.

– А что собой представляет этот Кэл Маккензи?

– О, на первый взгляд, грубоват, но в душе добряк и милашка. Такой он, наш Кэл. Вырос там. Киннаирд, можно сказать, у него в крови. Думаю, ты сумеешь много чему научиться у него. Да и потом, если ты не согласишься сейчас на это место, то куда еще тебе податься? Ты же знаешь, уже к Рождеству здесь не будет ни меня, ни наших животных.

В последние годы Маргарет сильно измучил артрит, и она наконец решила перебраться в небольшой городок Тейн, что в сорока пяти минутах езды от нашего сырого дома-развалюхи, в котором мы сейчас с ней ютимся. Здесь, в национальном заповеднике Дорнох-Ферт, вдоль узких берегов лимана раскинулись двадцать тысяч акров высокогорных земель. Последние сорок лет Маргарет трудилась в этом заповеднике, сплотив вокруг себя пеструю команду единомышленников. Все вместе они выхаживали и давали приют спасенным животным.

– А вам не жаль покидать эти места? – уже в который раз спросила я у Маргарет. – На вашем месте я бы все глаза выплакала.

– Конечно, жаль. Но ты же помнишь, Тигги, чему я тебя учила. Все хорошее когда-нибудь кончается. Однако, по милости Божьей, может случиться что-то новое и даже более хорошее. Так какой же смысл грустить о прошлом? Лучше сконцентрироваться на том, что ждет тебя впереди. Я ведь уже давно понимала, что рано или поздно мне придется уезжать отсюда. Это благодаря тебе и твоей бесценной помощи я прожила тут еще лишний год. К тому же в моем новом доме имеются батареи, и я могу включить тепло в любой момент, когда посчитаю нуж-

ным. Да и телевизионный сигнал там ловится круглые сутки. Можно будет смотреть телевизор хоть целыми днями напролет!

Она издала короткий смешок и растянула губы в широкой улыбке. Хотя в глубине души я была абсолютно уверена в том (благодаря своей хваленной интуиции, конечно), что едва ли Маргарет *сильно обольщается* на предмет собственного будущего. Просто пытается держаться браво. Права я или нет в своих догадках, но сейчас я подхватила её со своего места и подбежала к ней, чтобы обнять.

– Маргарет, вы просто удивительная женщина. Вы и ваши животные, вы так многому меня научили. Я буду сильно скучать без вас.

– Ну, если ты согласишься поработать в Киннаирде, то скучать сильно не придется. Я ведь буду жить совсем неподалеку, по другую сторону долины. Так что, в случае чего, всегда охотно помогу тебе и словом, и делом в том, что касается ухода за дикими кошками. Тебе тоже придется время от времени навещать Денниса, Гиннесс и Кнопку. Они ведь будут очень скучать по тебе.

Я глянула на трех костлявых приятелей, греющихся возле камина: старый рыжий кот о трех лапах и две такие же древние тощие собаки. Всех их еще совсем маленькими детенышами когда-то спасла Маргарет, вынянчила и выходила.

– Вот съезжу в Киннаирд, увижу все собственными глазами и определюсь уже прямо на месте. В противном случае вернусь на Рождество к себе домой в Атлантис и там обдумаю, что мне делать дальше. Помочь вам улечься в постель?

Этот вопрос я задавала Маргарет каждый вечер, прежде чем отправиться к себе наверх, и каждый вечер получала один и тот же неизменный ответ, исполненный особой гордости и достоинства.

– Нет, спасибо, Тигги. Пожалуй, я еще немного посижу возле огня.

– Тогда спокойной ночи, дорогая Маргарет.

Я поцеловала ее в пергаментную щеку и стала подниматься по узкой неровной лестнице к себе в спальню. Когда-то это была спальня Маргарет, но со временем она поняла, что тратит слишком много сил, карабкаясь каждый вечер по крутой лестнице. А потому мы перенесли ее кровать вниз и поставили в столовой. К тому же нам просто повезло, что у хозяйки дома никогда не было лишних денег, чтобы оборудовать себе ванну рядом со спальней. А потому ванная комната тоже размещалась внизу, буквально в нескольких метрах от нынешней спальни Маргарет.

У себя в комнате я по очереди стянула с себя все свои дневные одежды, затем напялила такое же количество одежек, но уже для сна, после чего осторожно улеглась между холодными, как лед, простынями. Но все равно, думала я, пытаясь согреться, в свое время я поступила правильно, приехав сюда, в заповедник, чтобы поработать в Шотландии. В разговоре с Чарли Киннаирдом я призналась ему, что с меня хватило и полгода работы в научно-исследовательской лаборатории зоопарка Сервион, чтобы понять, что меня интересуют не столько научные изыскания, сколько живая работа: я хочу ухаживать за животными и защищать их. А потому я немедленно откликнулась на объявление, которое случайно прочитала в Интернете и с готовностью перебралась в ветхий домик, примостившийся на берегу озера, чтобы помочь старой леди, такой же ветхой старушке, как и сам ее дом, разбитой к тому же артритом, ухаживать за дикими питомцами в заповеднике.

«Больше доверяй своим инстинктам, Тигги. Они никогда тебя не подведут».

Отец часто повторял мне это.

– Жизнь – это во многом интуиция и лишь совсем немного, самая капелька логики. Если научишься правильно соблюдать пропорцию между этими двумя компонентами, то любое решение, принятое тобой, окажется правильным, – добавил он уже в самом конце нашего раз-

говора, когда мы с ним однажды стояли в его любимом саду в Атлантиде и наблюдали за тем, как над Женевским озером величаво поднимается полная луна.

Помнится, я тогда призналась Па Солту, что моя самая заветная мечта – это отправиться в один прекрасный день в Африку и работать там с дикими животными в естественной среде их обитания, а не разглядывать этих бедолаг сквозь решетки в вольерах зоопарка.

Я подобрала под себя ноги, свернувшись калачиком на холодной постели, чтобы хоть как-то согреться, и подумала, что пока моя мечта так и осталась нереализованной. Да уж, выхаживать диких кошек в шотландской глубинке – это тебе, конечно, не участие в соревнованиях Высшей Лиги.

Я выключила свет и стала мысленно представлять себе своих сестер. В свое время все они подшучивали надо мной, называли меня духовным гуру нашей семьи. Но я на них не обижалась. В детстве, по наивности своей, поскольку я еще не понимала, что не похожа на других сестер, я откровенно делилась со всеми, рассказывала сестрам о том, что видела или чувствовала. Так, однажды, когда я еще была совсем маленькой девочкой, я предупредила свою старшую сестренку Сиси, что не стоит ей сегодня залезать на ее любимое дерево. Потому что мне привиделось, будто бы она с него упала. Но Сиси лишь добродушно рассмеялась в ответ, сказала, что она залезала на это дерево уже тысячу раз, а я просто маленькая глупышка. Однако спустя всего лишь каких-то полчаса она таки *свалилась с дерева* и была страшно озадачена тем, что мое пророчество сбылось. Зато я с тех самых пор научилась держать свой язык за зубами, когда мне что-то там «открывалось». Знала и знала себе. Вот, к примеру, и сейчас я точно знаю, что папа не умер...

Потому что, если бы он умер по-настоящему, я бы точно почувствовала тот момент, когда его душа воспарила над землей. А так я практически ничего не почувствовала, когда мне позвонила Майя. Разве что шок от самого известия. Что и понятно. Ведь новость застала меня, как говорится, врасплох, совсем неподготовленной. Я не получила из космоса никаких предупредительных знаков о том, что должно случиться. Либо произошел какой-то сбой в настройке моей души, либо... Словом, пока я категорически отказывалась признать смерть Па Солта, не могла смириться с тем, что это правда.

Мысли мои снова вернулись к Чарли Киннаирду. Я стала прокручивать в голове все подробности нашего довольно странного с ним собеседования, которое случилось днем. И тут же почувствовала непривычную пустоту в желудке, стоило лишь вспомнить его выразительные голубые глаза и красивые руки с тонкими, длинными пальцами. А если еще подумать, сколько жизней спасли эти руки...

– Перестань, Тигги! – тут же одернула я себя. – Не сходи с ума.

Конечно, все дело в том, что я веду слишком уж затворнический образ жизни, и привлекательные, интеллигентного вида мужчины вовсе не выстраиваются в очередь у моих дверей, чтобы познакомиться. К тому же стоит подумать и о том, что Чарли Киннаирд по крайней мере лет на десять старше меня...

И все же, и все же... Я закрыла глаза, чтобы поскорее заснуть, и в эту самую минуту подумала, что уже с нетерпением жду тот день, когда отправлюсь в Киннаирд.

* * *

Спустя три дня я вышла из вагона крохотного состава, состоявшего всего лишь из двух вагонов, и ступила на перрон железнодорожного вокзала в Тейне. Сразу же направилась к изрядно потрепанному ленд роверу, уже поджидавшему меня на выходе из вокзала. При виде меня человек, сидевший на месте водителя, опустил стекло и спросил с сильным шотландским акцентом.

– Вы – Тигги?

– Да. А вы – мистер Кэл Маккензи?

– Собственной персоной. Забирайтесь в машину.

Я села на пассажирское место рядом с водителем и стала возиться с дверцей, которая никак не хотела закрываться.

– А вы хлопните, что есть силы, – посоветовал мне Кэл. – Эта развалюха уже давно свое откатала. Впрочем, в Киннаирде полно всякого старья.

Внезапно у меня за спиной кто-то негромко гавкнул. Я повернулась назад и увидела огромного пса породы шотландская борзая, который вольготно устроился на заднем сиденье. Пес подался вперед, обнюхал мои волосы, а потом дружелюбно лизнул в лицо своим шершавым языком.

– Ну же, Тистл! Веди себя как положено! – строго приказал ему Кэл.

– Все в порядке, – тотчас же возразила я и потрепала собаку за ухом. – Я люблю собак.

– Это хорошо. Но все равно баловать его не стоит. Он ведь у нас рабочая собака. Что ж, трогаемся!

После нескольких безуспешных попыток Кэл все же завел двигатель, и мы двинулись по городским улицам, застроенным одинаково мрачными серыми домиками, крытыми шифером. Тейн – совсем крохотный городок: на весь город всего лишь один приличный супермаркет. Но при этом – центр огромной сельскохозяйственной коммуны. Очень скоро мы миновали городскую черту, и урбанистические пейзажи остались позади. Мы покатали по дороге, петляющей между невысокими, пологими горными склонами, заросшими кустами вереска и каледонскими соснами, разбросанными там и сям. Макушки гор прятались в густом тумане. Машина обогнула одну из скал, и справа от нас показалось озеро. В сероватой дымке с моросящим дождем оно показалось мне похожим на огромную серую лужу.

Я зябко поежилась, и это несмотря на то, что Тистл, который соблаговолил пристроить свою лохматую серую голову мне на плечо, приятно согревал своим горячим дыханием мою щеку. Я вспомнила, как почти ровно год тому назад в такую же пору вышла из самолета в аэропорту Инвернесса. Позади осталось лазурно-голубое, чистое швейцарское небо, искрящийся на солнце первый снег, уже покрывший верхушки гор, окружавших Атлантис. И вот меня встретила мрачно-серая копия швейцарского зимнего пейзажа. И все вокруг такое же унылое и серое. Пока такси везло меня к дому Маргарет, я всю дорогу удивлялась, какого черта я тут делаю и зачем потащила в такую даль. Но спустя год, прожитый мной в Высокогорной Шотландии, увидев своими глазами смену всех четырех времен года, я уже точно знала, что с наступлением весны все вокруг оживет, склоны гор покроются нежнейшими пурпурными соцветиями цветущего вереска, а озеро засияет прозрачной голубизной под падающими лучами шотландского солнца.

Я исподтишка глянула на своего спутника. Плотный, хорошо сложен, с обветренным лицом и с уже редющей рыжей шевелюрой на голове. Огромные ручки, сжимавшие руль, явно свидетельствовали о том, что привыкли к тяжелой физической работе: под ногтями застарелая грязь, кожа покрыта шрамами и ссадинами, костяшки пальцев покраснели от напряжения. Наверняка Кэл гораздо моложе, чем выглядит, подумала я. Что и не удивительно, учитывая, какой трудной и энергозатратной работой он здесь занимается. Ему где-то от тридцати до тридцати пяти, решила я.

Как и большинство тех, с кем я успела познакомиться, прожив в Шотландии почти год, Кэл тоже был неразговорчив. Привык к одиночеству и оторванности от всего остального мира.

«Но он очень добрый человек», – тут же услужливо подсказала моя интуиция.

– Вы давно работаете в Киннаирде? – нарушила я молчание первой.

– Можно сказать, с самого детства. Мой отец, мой дед, прадед и прапрадед, все они тоже трудились в Киннаирде. Я стал помогать своему отцу, едва научившись ходить. Впрочем, времена теперь другие, и много чего изменилось вокруг. Как на мой толк, так от всех этих пере-

мен одни лишь проблемы. Вот и Берил, к примеру, совсем не в восторге от того, что к нам тут повадились толпы всех этих чужаков.

– А кто это Берил? – спросила я.

– Экономка в имении Киннаирд. Она заправляет в доме уже больше сорока лет.

– А что вы имеете в виду под «чужаками»?

– Да всех этих англичан с Юга. Весь этот богатый люд пачками устремляется сюда. Особенно перед Новым годом, когда мы, шотландцы, отмечаем свой национальный праздник Хогманай. Он выпадает на последний день года и длится целых два дня. Как правило, устраиваются всякие факельные шествия и другие развлечения с огнем. Тут такое в имении творится. Ясное дело, Берил все это не по душе. Вы у нас будете в Киннаирде первой гостьей после того, как тут отремонтировали дом. Всеми ремонтными работами заправляла жена хозяина, а она уж не поскупилась на затраты. От одних только сумм, которые проставлены в поступающих счетах, можно свихнуться. Просто голова идет кругом.

– Ну, со мной, надеюсь, у нее проблем не будет. Я привыкла к непривлекательной жизни, – поспешила я заверить Кэла. Еще, не дай бог, подумает, что я какая-нибудь капризуля, взбалмошная принцесса на горошине. – Вы же наверняка видели дом, в котором живет Маргарет?

– Видел, и не раз! Маргарет приходится мне даже какой-то дальней родней. Кузина одного из моих кузенов, что-то вроде этого... Да, собственно, все мы в этих краях так или иначе связаны родственными узами.

Мы снова оба замолчали. Но вот Кэл сделал резкий поворот влево, и мы увидели перед собой небольшую полуразрушенную часовню, на одной из стен которой болталось небрежно приколоченное гвоздем объявление: «Продается». Дорога стала еще уже, потом мы выехали на открытое пространство и понеслись вперед между каменными изгородями по обеим сторонам дороги. На пастбищах, раскинувшихся за оградами, мирно пасся скот: коровы и овцы.

Впереди на горизонте уже стали сгущаться свинцовые тучи, зависшие над горными вершинами. Изредка мимо нас проносились хозяйственные постройки и дома фермеров. Из труб домов валил густой дым. Быстро темнело, а проселочная дорога становилась все более неровной: сплошные рытвины и ямы. Судя по всему, подвеска в этом стареньком лендровере отсутствовала как таковая. Кэл проявил чудеса маневренности, миновав несколько горбатых мостиков, перекинутых через бурлящие потоки воды. Из-под колес летели камни, они падали в воду, вода в ответ вскипала белой пеной и обдавала своими струями капот. Все указывало на то, что мы упорно, хотя и с трудом, поднимаемся в гору.

– Еще далеко? – поинтересовалась я у Кэла, глянув на свои часы. Мы уже провели в пути более часа.

– Нет, уже почти приехали, – отозвался Кэл, и мы сделали еще один крутой поворот вправо. Узкая гравийка всего лишь в одну колею, не более, тоже была сплошь в рытвинах и ямах. Некоторые ямы были настолько глубокими, что грязь, выбивающаяся из-под колес, залепила все окна. – Вон впереди уже показался вход в поместье.

И действительно, фары выхватили из темноты две каменные колонны. Но было слишком темно, чтобы разглядеть что-то еще.

– Почти у цели, – ободряющим голосом обронил Кэл, когда мы изловчились, проскочили во двор и покатали по неровной подъездной дороге, подпрыгивая на каждой кочке. Лендровер взял еще один крутой подъем. Колеса отчаянно вращались, пытаясь зацепиться за хлюпающую по ним грязную жижу, в которую превратилась дорога. Но вот Кэл нажал на тормоз. Двигатель облегченно заскрежетал и умолк.

– Добро пожаловать в Киннаирд! – громогласно провозгласил Кэл, распахивая дверцу автомобиля и выбираясь наружу.

А он легок на подъем, отметила я про себя, и это несмотря на всю свою грузность. Кэл обошел машину, открыл дверцу для меня, подал руку, чтобы помочь выйти.

– Я сама, – отказалась я от помощи, выпрыгнула и тут же угодила в лужу. Ко мне немедленно подпрыгнул Тистл, сочувственно лизнул и побежал вперед по дорожке, обнюхивая знакомые места. Пес явно обрадовался тому, что снова оказался дома.

Я задрала голову и взглянула на дом. Он стоял, облитый лунным светом, и его четкие контуры хорошо просматривались на фоне ночного неба. Остроконечная крыша, печные трубы, похожие на башенки, взметнулись ввысь, отбрасывая густые тени. Теплый свет, льющийся из высоких окон в деревянных переплетах, выхватил из темноты крепкие, прочные стены здания, сложенные из глинистого сланца.

Кэл забрал мою дорожную сумку с заднего сиденья машины и, обогнув дом, повел меня напрямик к черному ходу.

– Это вход для слуг, – пояснил он, старательно очищая ноги о решетку, лежавшую перед дверью. – Парадным входом пользуется только сам хозяин, члены семьи и его гости.

– Поняла, – ответила я, переступая порог прихожей, и меня сразу же обдало живительным теплом.

– Ого! Ну и жароца тут! Словно в печке, – немедленно пожаловался Кэл, пока мы с ним шагали длинным коридором, в котором все еще сильно пахло свежей краской. – Жена нашего лэрда установила тут какую-то заумную отопительную систему, а Берил пока еще не научилась, как правильно регулировать температуру. Берил! – гаркнул он во весь голос, когда мы вошли в просторную кухню – сплошной модерн, все супер-пупер, освещаемую множеством лампочек, вмонтированных прямо в потолок.

Я слегка прижмурилась, чтобы адаптировать глаза к свету, а затем принялась разглядывать интерьер. Массивный, сверкающий чистотой кухонный блок прямо посреди комнаты. У стен расположились ряды буфетов, а также шкафчиков для посуды и прочей кухонной утвари. Тут же рядом с ними примостились две огромные ультрасовременные плиты. Прямо не плиты, а самые настоящие произведения искусства.

– Дизайн по высшему классу, – коротко прокомментировала я увиденное.

– Что правда, то правда. Видели бы вы, что тут творилось на этой кухне после смерти старого хозяина. Стены заросли многовековой сажой и копотью, плюс полчища мышей, вольготно разгуливающих повсюду. Однако вся нынешняя красота может пойти прахом, если Берил не научится пользоваться этими прибаудасами, включая и плиты. Она ведь всю свою жизнь кударила на старой плите. А чтобы освоить эти и научиться на них готовить, нужно, по меньшей мере, владеть компьютером.

В этот момент в кухню вошла элегантная худенькая женщина. Седые волосы аккуратно сколоты на затылке в объемный пучок. Слегка продолговатое лицо, нос, немного похожий на клюв ястреба. Я почувствовала, как она тут же впиалась в меня пристальным взглядом своих голубых глаз.

– Полагаю, вы – мисс Деллеси? – спросила она хорошо поставленным голосом с едва заметным шотландским акцентом.

– Да. Но, пожалуйста, зовите меня просто Тигги.

– Хорошо. А меня все в доме зовут просто Берил.

Я подумала, что это имя не совсем ей подходит. В моем представлении, Берил – это такая пышногрудая матрона, краснощекая, с огромными, загрубевшими от работы ручищами, которым хватает дел с утра и до позднего вечера. А тут красивая, ухоженная женщина, немного суровая на вид, в черном платье безупречного покроя, как и пристало экономке в приличном доме.

– Спасибо, что согласились приютить меня на сегодняшнюю ночь. Надеюсь, я не доставлю вам слишком много хлопот. Ведь у вас и без меня дел хватает, – проронила я слегка заплетающимся языком, невольно робея перед экономкой, словно первоклашка перед учитель-

ницей. Берил держалась с тем врожденным достоинством, которое невольно вызывает уважение.

– Вы голодны? Я тут сварила суп. Единственное, что я пока научилась готовить на новой плите. Еще не изучила все программы досконально и до конца. – Она взглянула на Кэла и мрачно улыбнулась. – Хозяин предупредил меня, что вы вегетарианка. Как насчет моркови и кориандра в дополнение к супу?

– Это будет просто замечательно. Спасибо.

– Что ж, тогда я, пожалуй, пойду к себе. Оставляю вас одних, – бросил нам Кэл. – Мне еще нужно запарить в сарае оленин головы, оставшиеся после вчерашней охоты. Спокойной ночи, Тигги. Сладких вам снов на новом месте.

– Спасибо, Кэл. Вам тоже всего самого доброго, – ответила я, отчаянно пытаюсь подавить позывы к рвоте, которые вызвали у меня его последние слова.

– А вы, Тигги, ступайте за мной наверх, и я покажу вам вашу спальню, – поторопила меня Берил, указывая направление, в котором надо двигаться. В конце коридора мы вышли в огромный парадный холл с вымощенным каменной плиткой полом. Такой же огромный каменный камин у одной из стен, над которым красуется голова оленя, украшенная массивными развесистыми рогами. Экономка повела меня наверх по лестнице, устланной новой ковровой дорожкой. Все стены вдоль лестницы, а также и вокруг просторной лестничной площадки, сплошь увешаны портретами предков хозяина. Берил открыла дверь, ведущую в огромную спальню, интерьер которой был выдержан в мягких бежевых тонах. Центральное место в комнате занимало огромное ложе под балдахином, задрапированное покрывалом из красного тартана. Воистину, кровать являлась главным украшением спальни. Возле камина разместились два кожаных кресла с пышно взбитыми подушками на них. Рядом, на низком столике из отполированного до блеска красного дерева стояли две антикварные лампы в латунной оправе. Из-под абажуров лился мягкий свет, освещающий всю комнату.

– Как красиво! – невольно восхитилась я. – Прямо чувствую себя постоялицей в каком-нибудь пятизвездочном отеле.

– Старый хозяин спал в этой комнате вплоть до своей кончины. Он бы сейчас с трудом узнал свою прежнюю спальню... Особенно ванную комнату. – Берил указала на дверь слева. – Раньше он пользовался этой комнатой как гардеробной. Там и стульчак стоял с ночным горшком. Потому как туалет находился на другом конце коридора. Не совсем удобно, как понимаете.

Берил подавила тяжелый вздох. По выражению ее лица было понятно, что мысли экономки сейчас витают в прошлом. Возможно, она и по сей день тоскует по тем временам.

– Между прочим, я вам, пожалуй, отведу роль подопытной морской свинки. На собственном опыте проверите, исправно ли работает все оборудование в ванной комнате. После того, как примете душ, расскажете мне, сколько времени прошло, пока в кранах появилась горячая вода.

– О, с удовольствием поэкспериментирую. Знаете, там, где я сейчас живу, горячая вода – это такая редкость.

– Вот и отлично! Да, нам еще не привезли из реставрационной мастерской наш старый обеденный стол для столовой. Поэтому, как мне кажется, лучше будет, если я подам вам ужин прямо сюда, в спальню.

– Как вам будет проще, Берил.

Она молча кивнула в ответ и удалилась из спальни. Я присела на краешек кровати. Матрас на ощупь очень удобный. Надеюсь, со мной у Берил будет немного хлопот. Однако этот дом... Вот уж никак не предполагала, что здесь царит такая роскошь. Я поднялась с кровати и направилась в ванную комнату. Мраморная облицовка стен, раковина, тоже отделанная мрамором. Рядом – ванна, чуть поодаль – душевая кабинка с мощным циркулярным душем под

потолком. Я с нетерпением разделась, горя желанием побыстрее подставить себя под его горячие струи. Ведь столько месяцев мне приходилось совершать омовения в старенькой ванне с выщербленной эмалью, которая была в доме Маргарет.

– Какое блаженство! – выдохнула я, включая душ на полную мощь. После чего провела в душевой кабинке непозволительно долгое время. Выйдя наружу, я слегка обсохла, а потом укуталась в роскошный махровый халат, висевший на крючке на обратной стороне дверцы. После чего обсушила полотенцем свои непокорные кудряшки и вернулась назад в спальню. Берил уже успела принести мне ужин, поставив поднос на столик возле одного из кожаных кресел.

– Я принесла вам к супу еще немного сиропа из бузины, – сказала она, обращаясь ко мне.

– Спасибо. Докладываю касательно моих экспериментов. Горячая вода пошла сразу же и была очень-очень горячей. Прямо как кипяток.

– Отлично, – откликнулась Берил. – А сейчас садитесь ужинать. Спокойной ночи, Тигги.

С этими словами экономка вышла из комнаты.

2

Ни единый лучик дневного света не проник в комнату сквозь плотные драпри на окнах, а потому, проснувшись, я вынуждена была включить ночник, чтобы узнать, который час. И, к своему удивлению, обнаружила, что уже около восьми утра. Можно сказать, заспалась так заспалась. Ведь обычно я просыпаюсь в шесть и сразу же отправляюсь кормить своих животных. Я кое-как сползла со своего роскошного ложа и направилась к окнам, чтобы раздвинуть ночные шторы. Раздвинула и тут же непроизвольно издала восхищенный возглас при виде красивейшей панорамы, представшей моему взору.

Киннаирд-лодж, как полностью назывался сам дом, был выстроен на одной из скал и развернут своим фасадом в сторону узкой долины. Лощина плавно спускалась к самой низине, туда, где извивалась и петляла небольшая речушка, потом опять взмывала вверх, по направлению к горным вершинам, раскинувшимся по другую сторону ущелья, с ослепительно белыми снежными шапками, похожими на такие огромные головки сахара. Все вокруг искрилось и переливалось в первых лучах утреннего солнца. Я слегка приподняла свежеевыкрашенную оконную раму, чтобы вдохнуть полной грудью морозный воздух Шотландского Высокогорья. Чистейший воздух с едва заметной ноткой запахов прелой листвы и оставшейся зелени, как обычно пахнет земля осенью. Все это скоро перегниет и превратится в ценнейший компост, столь необходимый по весне, когда все снова проснется и потянется к жизни.

Мне захотелось немедленно выскочить на улицу и с головой окунуться в красоту окружающего пейзажа. Я быстро натянула на себя джинсы и свитер, сверху набросила еще и лыжную куртку. На голову надела вязаную лыжную шапочку, на ноги – прочные полусапожки. Оделась и сразу же побежала вниз, к парадному входу. Дверь была не заперта: я вышла на улицу и принялась с восторгом разглядывать пейзаж поистине неземной красоты, представший перед моим взором. «Прямо как в раю», – невольно мелькнуло у меня в голове. Каким-то чудодейственным образом ничто не нарушало прозрачной тишины момента и всего окружающего великолепия: ни посторонних звуков, ни людей, ни животных, наверняка обитающих в этих местах.

– Вот это все мое, – прошептала я, вышагивая по покрытому ином газону, разбитому перед домом. Подмерзшая трава слегка поскрипывала под ногами. Внезапно что-то хрустнуло слева от меня. Я глянула в ту сторону и увидела между деревьев молодую косулю: большие заостренные уши, длинные ресницы, красновато-коричневый окрас в пятнышках. Но вот косуля легко встрепенулась и тотчас же скрылась. У Маргарет загон, в котором паслись олени и косули, был очень большим. И все в нем было обустроено наилучшим образом, чтобы максимально приблизить условия существования животных, находившихся на реабилитации, к

естественной среде обитания. Но все же, как ни говори, а загон есть загон: огорожен, как и положено, со всех сторон. А здесь, в Киннаирде, в распоряжении оленей и косуль тысячи акров свободных земель, огромные территории, на которых они могут резвиться и делать, что им захочется. Здесь у них есть та свобода, к которой привыкли все дикие животные. Правда, и угрозы тоже есть. Сегодня такой угрозой для них все чаще становится уже не другое дикое животное, их природный враг по определению, как это бывало в прежние времена. Сегодня главная угроза для них – это человек.

Впрочем, природа не гарантирует полной безопасности никому, подумала я. Даже человеку, самонадеянно возомнившему себя царем и повелителем земли. О, как же мы, люди, наивны, как заблуждаемся, веря в то, что мы непобедимы. Но сколько раз видела я собственными глазами, как бури и ураганы, посылаемые нам с небес, оборачиваются страшными бедствиями. Один мощный порыв торнадо, и вот уже сотни и тысячи нас сметаются безжалостно прочь с поверхности земли.

Я миновала половину склона, спускаясь вниз. Остановилась возле бурлящего ручейка, переполнившегося через край после сильного дождя минувшей ночью. Снова сделала глубокий вдох и огляделась по сторонам.

«Так я могу здесь пожить хотя бы какое-то время?»

«О да, да, да!» – радостно запела в ответ моя душа.

Впрочем, изолированность здешних мест *даже для меня* кажется чрезмерной. Такое впечатление, будто Киннаирд *находится где-то на другой планете*. Наверняка мои сестры снова примутся упрекать меня, говорить, что я сошла с ума, добровольно заточая себя в такой глуши, что мне нужно чаще бывать на людях, встречаться с подходящими мужчинами и все такое. Однако все эти веселенькие перспективы не пробуждают в моей душе музыку, и ей вовсе не хочется петь. Только на природе я ощущаю, что живу полноценной жизнью. Только на природе обостряются все мои чувства: я все вижу, все слышу, все замечаю.словно парю над землей, сливаясь со всей вселенной. Вот и здесь, в Киннаирде, и я сразу же поняла это, душа моя расцветет, а все то, что я так старательно скрываю в себе, прячу от окружающего мира и близких мне людей, все это вырвется здесь наружу. Какое же это будет счастье – просыпаться каждое утро среди такого великолепия. Поистине, судьба преподнесла мне несказанный подарок.

– Что ты, папа, думаешь о моем переезде сюда, в Киннаирд? – спросила я, задрав голову к небу, всем сердцем надеясь получить ответ, установить наконец живую связь с человеком, которого я любила больше всего на свете. И снова мой вопрос остался без ответа, просто повис в воздухе. Что удручало. Я почти физически почувствовала, как меня накрывает волна разочарования.

В нескольких сотнях метров от Киннаирд-лодж я обнаружила чудесное местечко. Подошла к краю каменистого утеса и уставилась вниз, разглядывая пологие склоны, сплошь заросшие лесом. Место очень уединенное, можно сказать, такая сугубо приватная территория. Я стала карабкаться вниз по склону, намереваясь изучить площадку со всех сторон. Спуск оказался совсем не сложным. Вот и отлично! Получается, что я нашла идеальное место для Молли, Игоря, Пузи и Полсона, наших четырех диких кошек, которых мы намереваемся транспортировать сюда.

Я потратила еще какое-то время, обойдя всю ложину вдоль и поперек и внимательно рассмотрев все вокруг. Лесистый склон горы обеспечит кошкам надежное укрытие, они будут чувствовать себя здесь в полной безопасности. А потом, когда они постепенно освоятся на новом месте и выйдут из своего загона на волю, они сами займутся изучением прилегающего ареала в поисках подходящих условий для обзаведения потомством. Но это все потом, в перспективе... А пока же все складывается как нельзя лучше. Жилые постройки и само имение всего лишь в десяти минутах ходьбы отсюда. Что позволит мне ежедневно самой подкармливать животных, добираясь к ним даже по глубокому зимнему снегу. Испытывая чувство глу-

бочайшего удовлетворения от своего неожиданного открытия, я стала снова подниматься по склону горы. Наверху отыскала неровную узенькую тропку, которая наверняка служила единственной дорогой, по которой можно было выбраться из этой узкой лощины.

И тут услышала гул работающего мотора. Оглянулась по сторонам и увидела Кэла. Тот высунулся из окна своего лендровера, явно обрадовавшись тому, что отыскал меня.

– Ну, наконец-то! И куда это вы запропалились? Берил уже давным-давно приготовила завтрак, поднялась к вам наверх, чтобы пригласить к столу, а вас и след простыл. Она перепугалась не на шутку. Сказала, что наверняка вас похитил Полоумный Мак Тавиш, наше местное привидение. Говорят, его призрак до сих пор обитает в доме.

– Ой, простите меня! Виновата, Кэл. Совсем забыла о времени. Такое прекрасное утро. Вот я и решила немного прогуляться, пройтись по окрестностям и осмотреться вокруг. Кстати, я нашла просто идеальное место, где можно будет соорудить загон для наших диких кошек. Вон там, внизу. – Я махнула в сторону скалы.

– А вот это хорошо! Ради такого можно было с легкой душой пожертвовать завтраком Берил. Да и ей такая встряска пойдет только на пользу. А то уж совсем рехнулась, бедняга. Конечно, переживания и все такое, ясное дело! Но не до такой же степени... Вы понимаете меня, да? – Кэл весело подмигнул мне, пока я устраивалась в машине на пассажирском месте рядом с ним, а потом еще какое-то время сражалась с дверцей, пытаясь закрыть ее. – Ее беда в том, что она до сих пор продолжает считать себя полноправной хозяйкой Киннаирд-лодж. Собственно, в каком-то смысле так оно и есть. Однако же, однако... Ну что, устроились? Тогда поехали.

Я молча кивнула, и мы двинулись в обратный путь.

– Дороги в наших краях опасные, когда выпадает снег, – заметил Кэл.

– Я всю свою жизнь прожила в Женеве. Так что привыкла водить машину по заснеженным зимним дорогам.

– Это хорошо. Такие навыки вам сильно пригодятся. Ибо впереди нас ждет много снега. Взгляните вон туда. – Кэл жестом показал, куда именно мне стоило смотреть. – Чуть выше того ручья, где этот березняк. Здесь олени укрываются на ночлег.

– Не сильно надежное укрытие, – отозвалась я, разглядывая просветы между голыми деревьями.

– Согласен. Да вот беда. Большинство лесного покрова, которое раньше было в этом ущелье, давно уничтожено. Сейчас мы пытаемся восстанавливать леса, но не все идет гладко. Делянки с молодыми саженцами надо огораживать, в противном случае олени уничтожат высаженные деревья на корню. Работы – непочатый край. Новый хозяин поместья затеял большое дело. Ах, Берил! Опять ты за свои старые фокусы. – Послышался противный скрежет мотора, и машина задержалась на месте. Кэл резко затормозил, а потом стал возиться с коробкой передач, чтобы снова запустить свой старенький лендровер. Машина еще немного поколебряжилась, а потом ровно покатила вперед.

– Берил? – уставилась я на водителя удивленным взглядом.

– Ну да! – хохотнул в ответ Кэл. – Я ее так зову. Уж очень эта развалюха похожа на нашу капризную экономку. Такая же норовистая и упрямая. Хотя в целом, несмотря на все свои выверты, очень надежная.

Когда мы с Кэлом вернулись в Киннаирд-лодж, я тут же рассыпалась в извинениях уже перед настоящей Берил. Повинилась, что ушла из дома еще до завтрака, после чего почувствовала себя просто обязанной съесть хотя бы один сэндвич с пастой «Мармит», которые она, по ее словам, специально приготовила для меня, чтобы компенсировать пропущенную утреннюю трапезу. Хотя, если честно, я никогда не была особой фанаткой этого спрея. Слишком уж он вязкий и безвкусный, так и липнет к зубам.

– Кажется, она меня недолюбливает, – тихонько пожаловалась я Кэлу, когда Берил вышла из кухни. А он, усевшись рядом, принялся помогать мне, уминая за обе щеки остальные бутерброды.

– Не обращай внимания, Тиг, – перешел он на «ты». – Бедняжка все еще пребывает в состоянии стресса, – заметил он проницательно, не переставая двигать челюстями и продолжая уничтожать сэндвич за сэндвичем. – Так в какое время ты собираешься отбыть восвояси? Есть подходящий поезд на три двадцать девять, но тебе самой решать.

Зазвонил телефон и оборвал наш разговор на полуслове. И тотчас же на кухне снова возникла Берил.

– Хозяин хочет поговорить с вами, Тигги. Можете подойти к телефону прямо сейчас? – спросила она у меня.

– Разумеется. – Я слегка кивнула головой Кэлу и проследовала за Берил по подсобному коридору в небольшую комнатку, которая, судя по всему, выполняла функции такого мини-офиса.

– Оставляю вас здесь одну. – Экономка кивнула на телефонный аппарат, стоявший на столе, и вышла вон, плотно прикрыв за собой дверь.

– Алло, – крикнула я в трубку.

– Алло! Тигги, это вы? Тысячу извинений за то, что не смог вырваться в Киннаирд и составить вам компанию. К сожалению, в больнице случилось несколько экстренных операций.

– Все в порядке, Чарли, – бодро солгала я в ответ, хотя на самом деле была *сильно разочарована* его отсутствием.

– Ну, и как вам Киннаирд?

– Думаю... Замечательное место! Одно из самых красивых, виденных мною. Прямо дух захватывает от здешних красот. Кстати, Чарли. Я уже тут присмотрела одно подходящее местечко для наших диких кошек.

– Правда?

– Чистая правда, – ответила я и принялась рассказывать, где именно обнаружила это место, странствуя по территории поместья.

– Ну, если вы считаете, Тигги, что оно подходит для ваших питомцев, то я только «за». А что же вы сами? Определились со своим решением? Сможете переселиться сюда вместе с ними?

– Я... Да, мне здесь очень понравилось, – выдохнула я в трубку и невольно улыбнулась. – Если честно, то я просто влюбилась в Киннаирд.

– Так вы согласны пожить какое-то время в имении?

– Да, согласна, – ответила я, не раздумывая. – Вне всякого сомнения, согласна.

– Но это же... это здорово! Честное слово! А уж как Кэл будет счастлив, и говорить не стану. Правда, мы еще с вами не обсудили условия оплаты и другие пункты контракта. Не будете ли вы столь любезны, чтобы изложить мне свои требования в письменной форме и отправить их по электронной почте? Что, если мы с вами оговорим начальный срок, скажем, в три месяца?

– Вполне приемлемый срок, Чарли. Хорошо, договорились. Я перешлю вам свой ответ по электронной почте.

– Замечательно! С нетерпением жду того момента, когда смогу уже сам показать вам наши места во всей их красе. Надеюсь, Берил позаботилась о вас надлежащим образом и вам было комфортно в Киннаирд-лодж?

– О, она встретила меня как родную.

– Хорошо. Тогда я отправлю вам по почте проект нашего с вами договора, и если вы будете согласны со всеми его пунктами, то тогда, быть может, в начале декабря вы уже сможете переехать со своими кошками в Киннаирд?

– Сроки вполне реалистичные. Я согласна.

Тепло распрощавшись с Чарли, я положила трубку и невольно подумала, чем обернется это мое согласие в будущем. Вполне возможно, я только что сделала самый лучший выбор в своей жизни. А может, и самый худший.

Потом я пространно долго благодарила Берил за ее гостеприимство, после чего Кэл мельком показал мне простой деревенский домик, впрочем, вполне уютный внутри, в котором я буду обитать на пару с ним после того, как переселюсь сюда. Затем мы снова залезли в его лендровер по кличке Берил, и Кэл повез меня в Тейн на железнодорожный вокзал.

– Так, значит, приезжаешь сюда вместе со своими кошками, да? – напрямую спросил у меня Кэл.

– Да, я согласилась поработать здесь какое-то время.

– Хвала небесам! – Кэл что есть силы ударил по рулю. – Меньше всего на свете мне хотелось возиться еще и с дикими кошками. У меня и без них забот полон рот.

– Я привезу их сюда в декабре. А это значит, что вам нужно будет обустроить для них подходящее жилище.

– Если нужно, значит, сделаем, Тиг. Какие тут могут быть разговоры? – снова перешел он на «ты». – Правда, мне надо будет еще посоветоваться с тобой на предмет того, что и как сделать, чтобы все было по высшему классу. Но все же здорово, что ты согласилась переехать сюда! Вот только один вопрос! Уверена, что справишься со здешним одиночеством? – поинтересовался он, пока мы подпрыгивали по ухабистой дороге, держа путь на выезд из поместья. – Ведь такую самоизоляцию может вынести далеко не каждый.

В этот момент из-за тучи вдруг вынырнуло солнышко и осветило всю долину, оставшуюся внизу позади нас. Окраины ее терялись в густых клубах тумана.

– Справлюсь, Кэл. Еще как справлюсь, – улыбнулась я в ответ, чувствуя, как меня переполняет радость. – Уверена, что смогу.

3

Следующий месяц промелькнул, как одно мгновение. Бесконечная череда печальных прощаний с нашими животными, по мере того, как мы вместе с Маргарет готовили их к отправке в другие места. Олень, две белки, ежики, совы и наш единственный маленький ослик, все были постепенно пристроены и переехали в свои новые дома, к новым хозяевам. Маргарет стойчески сносила эту процедуру, держала себя, так сказать, в руках, а я пролила море слез, прощаясь с каждым из них.

– Так уж устроена жизнь, Тигги, – рассуждала она философски, успокаивая меня. – Мы все время с кем-то знакомимся и с кем-то прощаемся. Сплошная вереница разлук и встреч. Постарайся привыкнуть к такому порядку вещей, тогда тебе станет намного проще жить.

С Кэлом мы были постоянно на связи: бесконечные разговоры по телефону, письма по электронной почте. Все разговоры вертелись, главным образом, вокруг сооружения жилья для наших диких кошек. В конце концов Кэл нашел какую-то подходящую фирму и заключил с ней контракт на такое строительство.

– Сама понимаешь, – жаловался он мне в трубку, – лишних денег у меня нет. Но хозяин выхлопотал где-то грант на эти цели. То есть он всерьез вознамерился заняться разведением диких кошек.

Если судить по тем фотографиям, которые присылал мне Кэл, то возводимые вольеры для наших животных строились по самой передовой технологии, воплощая новейшие достижения в этой области: такие небольшие павильоны, соединенные друг с другом узким тоннелем, и все это среди деревьев, в лесу. Предусматривались и специальные площадки для кормления животных, а также сооружение отдельных потайных нор, в которых кошки могли бы прятаться

по собственному усмотрению. Всего павильонов будет четыре, по числу наших кошек. Так что у каждой из них в перспективе будет своя территория. Что также позволит упростить процесс отделения женских особей от мужских, если наши самочки вдруг забеременеют.

Я показала фотографии Маргарет, когда мы с ней сидели в наш последний вечер за рюмочкой шерри.

– Бог мой! – воскликнула Маргарет, глянув на снимки, и рассмеялась. – Да в таких вольерах можно смело поселить парочку жирафов, не говоря уже о наших тощих кошечках.

– Чарли, судя по всему, настроен очень серьезно и хочет полностью реализовать свою программу по разведению диких кошек.

– Ну, да он же у нас перфекционист во всем, наш Чарли. Известное дело! Жаль, что он не смог воплотить все свои мечты в реальность еще тогда, когда был молод. Все тогда в его жизни пошло как-то наперекосяк. Боюсь, он так и не смог оправиться полностью от пережитых разочарований.

Я тут же наострила ушки.

– А что за разочарования он пережил?

– Наверное, не стоило мне касаться этой темы, да вот разболталась. Шерри таки развязал мой старческий язык. Коротко скажу так: он пережил несчастную любовь. Что-то у них с его девушкой разладилось, и она ушла к другому. А он в отместку тоже женился.

– Вы знакомы с его женой?

– Видела ее лишь один-единственный раз на их свадьбе, то есть шестнадцать лет тому назад. Перекинулись парой слов, и на этом все. Мне она тогда не оченьглянулась. Хотя, надо признать, она очень хороша собой. Но здесь как в сказках. Физическая красота ведь далеко не всегда совпадает с внутренней красотой. А Чарли... он всегда был немного наивен в том, что касается женщин. Ему на момент женитьбы едва минул двадцать один год, он был еще студентом третьего курса медицинского факультета в Эдинбургском университете. – Маргарет подавила тяжелый вздох. – Невеста, между прочим, на тот момент уже была беременна Зарой, их будущей дочерью. Такие вот дела. Мне кажется, что вся дальнейшая жизнь Чарли – это такой своеобразный вызов его отцу, тому, как тот вел себя. Женитьба и занятия медициной позволили Чарли зажить самостоятельной жизнью, максимально дистанцироваться от отца. Но, наверное, сейчас пришло его время, – задумчиво обронила Маргарет, допивая шерри. – Что ж, он вполне заслужил это.

* * *

На следующее утро я уже тряслась на заднем сиденье лендровера вместе с Молли, Игорем, Пуузи и Полсоном, которые мяукали на все голоса и отчаянно царапались, сидя в своих переносках, бурно выражая тем самым свое негодование и протест против столь неподобающего обращения с ними. Пришлось изрядно повозиться, чтобы загрузить их в машину. Та еще была работенка! Несмотря на то что на мне был толстый свитер, а на руки я предусмотрительно натянула сверхпрочные защитные перчатки, мои «котят» как-то изловчились и нанесли мне несколько глубоких царапин на запястья. Хотя шотландские дикие кошки по своим габаритам ненамного больше обычных домашних пушистиков, да и окрас у них почти такой же, но, пожалуй, на этом все их сходство с нашими любимцами и заканчивается. Недаром диких кошек называют «тиграми Высокогорья». Значит, есть за что. Взять хотя бы нашего Полсона. У него ведь характер ого-го! Вначале цапнет, а потом уже начнет интересоваться, что от него нужно.

Но, несмотря на всю зловредность и агрессивность наших питомцев, я их всех очень люблю. Для меня наши дикие кошки стали крохотным лучиком надежды в том мире, в котором бесследно исчезли и превратились в легенду столь многие виды диких животных и птиц. Маргарет рассказывала мне, что в Шотландии в настоящее время запущено в действие сразу

несколько программ, направленных на возрождение популяции диких кошек. Цель одной из этих программ – не допустить скрещивания кошек, обитающих в дикой природе, с домашними кошками, ибо для восстановления популяции нужно иметь «чистое потомство», то есть таких котят, которые родились именно от диких кошек. Я решительно защелкнула на замок дверцы всех переносок, несмотря на яростное шипение, раздающееся изнутри, понимая всю степень своей ответственности за судьбу этих животных, которая отныне ложится на мои плечи. Как-никак, а я их главный опекун.

Моя любимица, ежиха Алиса, которую я назвала так в честь известной героини сказки Льюиса Кэрролла, потому как она тоже умудрилась когда-то провалиться в кроличью нору, а я, чисто случайно оказавшись рядом, спасла ее из собачьих челюстей, когда наш пес Гиннесс вытащил ее наружу, сейчас дремала в картонной коробке на переднем сиденье машины, рядом с моим рюкзаком, в который я упаковала весь свой скудный гардероб.

– Ну, что? Трогаемся? – спросил у меня Кэл, которому уже надоело ждать и не терпелось двинуться в обратный путь.

– Да, – коротко ответила я, зная, что мне еще нужно вернуться в дом, чтобы в последний раз попрощаться с Маргарет, что, пожалуй, станет для меня самым душераздирающим моментом. – Подожди еще пару минут, ладно?

Кэл молча кивнул в знак согласия, понимая всю сложность ситуации, а я почти бегом помчалась в наш домик.

– Маргарет, вы где? – крикнула я прямо с порога.

Но Маргарет нигде не было видно. Тогда я выбежала на улицу и обнаружила ее сидящей посреди пустого вольера, в котором мы содержали наших кошек. Рядом с ней примостились по обе стороны верные Гиннесс и Кнопка. Маргарет обхватила голову обеими руками, плечи ее сотрясались от беззвучных рыданий.

– Маргарет! – Я подбежала, опустила на колени и обхватила ее руками, прижимая к себе. – Пожалуйста, не плачьте! Не надо! Иначе я сейчас тоже разревусь.

– Ничего не могу с собой поделать, милая. Все это время старалась держать себя в руках и быть мужественной, но сегодня...

Маргарет отняла руки от своего лица, глаза ее были красными и опухли от слез.

– Ведь сегодня особый день. Можно сказать, подводим черту под прошлым. Ты уезжаешь, и кошки тоже.

Она протянула ко мне свою крючковатую, пораженную артритом руку. Обычно такими руками иллюстраторы сказок награждают всяких злых ведьм. Но я-то знала: руки Маргарет – это сама доброта и ласка.

– За этот год, Тигги, я полюбила тебя, как свою родную внучку. Поверь мне, я никогда не смогу отблагодарить тебя за все, что ты для меня сделала. Ведь без твоей помощи, особенно учитывая мои хлипкие физические силы, я бы никогда не смогла ухаживать должным образом за нашими животными.

– Я обязательно вскоре приеду к вам в Тейн, взгляну, как вы там обустроились на новом месте. Ведь мы же станем жить совсем недалеко друг от друга. – Я снова прижала к себе старую женщину в прощальном объятии. – Мне очень повезло работать у вас. Вы так многому меня научили. Спасибо вам, Маргарет, за все.

– Это тебе спасибо, моя родная. А уж если говорить об учебе, то постарайся обязательно познакомиться с Чилли, когда обустроишься в Киннаирде. Это старый цыган, который живет в имении с незапамятных времен. Вот он-то – самый настоящий кладезь знаний в том, что касается лечения дикими травами, как людей, так и животных.

– Обещаю! Я познакомлюсь с ним. А сейчас до свидания, дорогая Маргарет. – Я поднялась с пола, чувствуя, что и сама уже на грани слез, и быстро вышла из сарая.

Рядом со мной тут же возник Кэл.

– Ты уже постарайся, моя девочка, чтобы наши кошечки в положенный срок принесли хорошее потомство, ладно? – крикнула мне вдогонку Маргарет.

Прощальный взмах рукой, я сажусь в нашу старуху «Берил» и машина срывается с места. Начинается новая глава в моей жизни.

* * *

– Вот твоя спальня, Тиг, – коротко пояснил мне Кэл, опуская мой рюкзак с вещами на пол. Я обвела взглядом небольшую комнатку: низкий оштукатуренный потолок с многочисленными трещинами и неровностями. Такое впечатление, что он уже просто устал держать на себе крышу, которая давит на него сверху. В помещении а) царил зверский холод; б) обстановка более чем спартанская. И это даже с учетом того, что я, в общем и целом, легко переношу отсутствие комфорта. Слава богу, хоть кровать здесь есть. А также небольшой комод у стены, на который я тут же водрузила коробку с Алисой.

– Может, я сейчас принесу и ее клетку? – предложил мне Кэл. – Вдруг она удерет из коробки и начнет шнырять по всему дому? Залезет, к примеру, в гостиную или туда, где я сплю. А я, проснувшись ночью, чтобы сходить в уборную, ненароком наступлю на нее и, чего доброго, раздавлю всмятку. То-то будет неприятностей! Кстати, разве она не должна впадать в спячку в такое время года?

– Если бы она жила на воле, то наверняка так оно бы и было. Но пока я не рискую отпустить Алису на свободу. Она еще недостаточно окрепла, да и нужный вес не набрала. Едва ли она бы в таком состоянии пережила зиму. А так живет себе в тепле и заботе, а я ее регулярно подкармливаю.

Через какое-то время Кэл воротился с клеткой для ежихи. Я пересадила Алису в клетку, потом насыпала из мешочка ее любимый кошачий корм и вдруг почувствовала себя настолько обессиленной, что с трудом опустилась на кровать, желая лишь одного: побыстрее принять горизонтальное положение.

– Спасибо за помощь, Кэл. Без тебя я бы никогда не сумела транспортировать наших диких кошек сюда. Да еще и разместить их в новых вольерах.

– Это точно, – согласился Кэл, скользнув по мне сочувственным взглядом. – Ты же вон какая худенькая. Прозрачная, прямо как сказочная фея. Едва ли я рискну попросить тебя зимой помочь мне починить забор или нарубить дров для камина.

– Это не важно, что я худенькая. На самом деле я сильная, – обидчиво запротестовала я. Чистейшая ложь, впрочем. Потому что сил во мне действительно немного. Во всяком случае, физических сил.

– Хорошо-хорошо! Пусть так! Тебе у нас будет где приложить свои силы, Тиг. – Кэл оглядел холодную пустую комнату. – Здесь везде нужна женская рука, – добавил он, разъясняя свою мысль. – А я по этой части не очень силен. Даже не знаю, с чего начать.

– Не переживай. Совместными усилиями мы быстро создадим уют.

– Есть хочешь? В холодильнике стоит тушенка из оленины.

– Спасибо, ничего не надо. К тому же я вегетарианка, если ты не забыл...

– Конечно, не забыл. Ну, как хочешь. – Я сладко зевнула, и он тут же подался к дверям. – Пожалуй, тебе самое время немного соснуть с дороги.

– Наверное, ты прав.

– В ванной комнате у нас тут есть ванна. Ступай окунаться первой, пока вода еще горячая.

– Нет, пожалуй, сегодня обойдусь без омовения. Лучше побыстрее лягу в постель. Спокойной ночи, Кэл.

– И тебе спокойной ночи, Тиг.

Кэл закрыл за собой дверь, и я тотчас же откинулась на подушки. Матрас только внешне казался новым, на самом деле тоже был весь в рытвинах и ямах. Я натянула на себя одеяло и тотчас же отключилась.

* * *

Проснулась в шесть утра, одновременно и от зверского холода в комнате, и от чувства внутренней тревоги, снедавшей меня всю ночь. Включила свет и глянула в окно. На улице стояла кромешная тьма. Окна снаружи покрылись слоем инея.

Поскольку одеваться было не нужно – я всю ночь проспала в джемпере и в толстых штанах, то я лишь натянула сверху теплый жакет, на ноги – ботинки, на голову вязаную шапочку, после чего влезла в лыжную куртку и осторожно приоткрыла дверь. Вошла в гостиную. С потолка свисали массивные балки, в углу комнаты возвышался огромный камин. Я сняла с крючка на двери фонарь – вчера вечером Кэл как раз показал мне, где он висит. Включила фонарь и, собравшись с духом, вышла на улицу. Стараясь ориентироваться по памяти и освещая себе путь фонариком, я добрела до большого сарая, в котором имелось отдельное холодное помещение. Там хранилась снедь для моих диких кошек – тушки голубей и кроликов. Я вошла в сарай и увидела Тистла. Тот спал на подстилке из соломы в дальнем углу сарая. Но стоило мне сделать лишь шаг, как пес тут же подхватился со своего места, сонно потянулся всем телом, а потом потрусил в мою сторону на своих невероятно длинных ногах, чтобы поздороваться, и с радостью ткнулся острым носом в мою протянутую ладонь. Я глянула в его умные карие глаза, обрамленные серой шерстью, что производило несколько комичное впечатление: будто над глазами животного нависли кустистые седые брови, и невольно улыбнулась, чувствуя, как тает мое сердце при виде этой псины.

– Ступай за мной, приятель. Авось, и для тебя отыщется что-нибудь вкусненькое.

Я взяла провизию для кошек, презентовала Тистлу отменную сахарную косточку и снова заторопилась на улицу. Тистл тотчас же вызвался сопровождать меня, но я все же затолкала его обратно в сарай.

– В следующий раз обязательно возьму тебя с собой. А пока потерпи, приятель, ладно? – сказала я ему, понимая, что рисковать нельзя. А вдруг он напугает моих кошек? Они еще и так не вполне пришли в себя после переезда на новое место.

Я пересекла замерзшую лужайку и спустилась вниз по склону туда, где виднелись постройки для моих животных. Темень на дворе стояла кромешная. Еще никогда я не видела такого иссиня-черного неба. И нигде вокруг ни одного живого огонька. Светя фонариком себе под ноги, я кое-как спустилась по склону и направилась ко входу в вольеры.

– Молли, – позвала я громким шепотом, вперив взгляд в темноту. – Игорь, Пуузи, Полсон! Вы где?

Машинально повернула ручку двери, чтобы войти в вольеры, но тут вспомнила, что вход туда оборудован специальным автоматическим замком с кодовым набором цифр. Соответствующее цифровое табло было установлено прямо над замочной скважиной. Такой замок с кодом позволяет обезопасить животных на тот случай, если вдруг в помещение попытается проникнуть какой-то случайный человек. Я напрягла память, стараясь вспомнить комбинацию цифр – ведь вчера Кэл сообщил мне код. После чего набрала комбинацию, которая показалась мне наиболее вероятной. Успешной оказалась только третья попытка: в замке что-то щелкнуло, и дверцы плавно разъехались в разные стороны. Я вошла внутрь и закрыла за собой двери.

Снова позвала своих кошек. Никакой реакции. Ни малейшего звука или шороха в ответ. Да и чему удивляться? В таких огромных вольерах, как эти, кошки могут забиться куда угодно. Вполне возможно, они намеренно спрятались, все еще пребывая в состоянии стресса.

– Ребята, вы где? Это я, Тигги, – спросила я громким шепотом, нарушив мертвую тишину, царящую в павильонах. Струйка морозного дыхания вырвалась из моего рта и тут же бесследно растаяла в темноте. – Я пришла. Вам нечего бояться. Вы здесь в полной безопасности, а я буду рядом с вами. Обещаю!

Замолчала, прислушиваясь к ответной реакции. Должны же они хоть как-то отреагировать на мой голос. Не отреагировали. Я обшарила все четыре павильона, время от времени окликая животных по имени, с тем же нулевым результатом. Проторчала в вольерах до тех пор, пока не почувствовала, что уже начинаю коченеть от холода. Тогда я быстро разложила корм по кормушкам и заторопилась на выход. Заперла за собой дверь и направилась вверх по склону к себе домой.

* * *

– Ну, и где это тебя черти носят ни свет ни заря? – поинтересовался у меня Кэл, выныривая из кухонки и неся в руках две кружки с горячим чаем для нас обоих.

– Ходила проведать своих кошек, но они категорически отказались выйти ко мне. Бедняжки! Они, наверное, еще не вполне оправались от пережитого шока и все еще сильно напуганы. Но по крайней мере они хоть услышали мой голос.

– Знаешь, я вообще-то не большой любитель кошек, причем всяких. Эгоистичные, самовлюбленные твари, эти кошки, все, без исключения. Жалуют лишь того, кто их кормит, да и то не всегда. Другое дело – собака. Возьми моего Тистла. Верный пес. С таким хоть на край света можно отправляться.

– Я его уже сегодня утром повстречала. В сарае. Даже угостила хорошей косточкой на завтрак, – призналась я, с наслаждением отхлебнув горячую ароматную жидкость. – Он что, всегда там спит?

– Конечно, а где же еще? Это же сторожевой пес, а не какая-нибудь там разбалованная городская болонка, привыкшая спать на пуховой подушке.

– Но разве нельзя пускать его сюда, в дом? Ведь в сарае же страшная холодина.

– Успокойся, Тиг! Что за нежности, в самом деле? Он привык спать на холоде, – возразил Кэл непреклонным тоном, снова направляясь на кухню. – Хочешь тостов с повидлом?

– Очень хочу! Спасибо, – поблагодарила я и, подхватив чашку, пошла к себе в спальню. Там опустилась на колени перед клеткой своей ежихи Алисы и открыла дверцу. Два ярких блестящих глазика тут же вынырнули из глубины деревянного домика, в котором Алиса обычно пряталась, и уставились на меня.

– Доброе утро, Алиса, – поприветствовала я ее негромко. – Как спалось на новом месте? Огурчика хочешь?

Я снова вернулась на кухню, чтобы достать из холодильника огурец. Открыла дверцу и поняла, что холодильник нуждается в срочной и кардинальной чистке. Все полки и задняя дверца заросли толстым слоем грязи, кое-где проступила даже плесень. Бросилась в глаза раковина, в которой громоздились горы грязных кастрюль и сковородок. Я сняла с гриля тост и, положив его на стол, весь усыпанный хлебными крошками, уже успевшими изрядно засохнуть, что косвенно указывало на то, что они тут провалялись по меньшей мере неделю, принялась смазывать тост слоем маргарина.

«Типичный мужчина», – подумала я. Что с него взять? Хотя сама я тоже не была по жизни такой уж образцовой аккуратисткой, но кавардак, царящий на кухне, вызвал у меня резкое неприятие. Даже руки зачесались, чтобы побыстрее приняться за работу по наведению порядка. Покормив Алису, я пошла доедать свой тост, устроившись рядом с Кэлом за небольшим столом в гостиной.

– Чем ты обычно кормишь своих кошек по утрам? – поинтересовался у меня Кэл.

– Сегодня вот разложила им тушки голубей и пару кроликов, которых прихватила с собой.

– А я для тебя припас сердца оленей. Храню их в морозильнике. Я покажу тебе, где это. Сарай на заднем дворе дома.

– О, такое угощение им точно придется по душе. Спасибо, Кэл.

– Вот тут я тебя, Тиг, не совсем понимаю. С одной стороны, ты вегетарианка. С другой – каждый день возишься с мясом убитых животных. Как такое можно?

– Все просто, Кэл. Потому что это природа, а в природе все происходит естественно. Если мы, люди, обладая разумом, можем самостоятельно решать, что нам есть и какой диеты придерживаться, особенно располагая широчайшим выбором альтернативных продуктов питания, то у животных такой возможности нет. Вот взять, к примеру, Алису. Она ест мясо, потому что все ежи едят мясо. То же самое с кошками. Так уж устроена их пищеварительная система, что ли. Не скажу, что мне доставит большое удовольствие возиться с сердцами убитых оленей. Ведь как ни верти, а сердце – это самый главный орган в любом живом организме. Сердце определяет нашу жизнь, разве не так? А тут пускаешь это на корм...

– Не стану комментировать. В конце концов, я же мужчина, а потому люблю вкус красного мяса на своих зубах. И неважно, бросовые ли это куски мяса или хороший стейк. Мне все вкусно. – Кэл поднял палец и помахал им передо мной. – А потому сразу же предупреждаю тебя, Тиг. Меня тебе в свою веру не обратить. Я человек плотоядный. Одно слово, мясоед.

– Обещаю и клянусь, что не буду агитировать тебя за то, чтобы ты стал вегетарианцем. Но тоже предупреждаю тебя: готовить тебе всякие отбивные и котлетки я точно не стану.

– А я-то полагал, что вы, французы, все страсть как любите красное мясо.

– Ну, во-первых, я не француженка. Я швейцарка, – улыбнулась я в ответ. – Наверное, именно этим обстоятельством и объясняются мои гастрономические пристрастия.

– Маргарет говорила, что ты ученая, Тиг. Занималась всякой исследовательской работой. У тебя даже степень имеется. Это правда? Наверняка ты могла бы найти себе работенку и получше: высокооплачиваемую, в какой-нибудь престижной научной лаборатории. А ты вместо этого приехала в нашу глушь, чтобы возиться с какими-то дикими кошками. Почему ты выбрала Киннаирд?

– В научной лаборатории я уже успела потрудиться, когда работала в Женевском зоопарке. Правда, недолго. Всего лишь несколько месяцев. Деньги там платили хорошие, но все равно я не испытывала никакого удовлетворения от своей работы. А ведь главное в жизни – это когда ты получаешь удовольствие от того, чем занимаешься. Я права?

– Это как посмотреть, Тиг. Если вспомнить, сколько я здесь вкалываю, от темна и до темна, и сколько за все это получаю в итоге, то надо быть очень большим оптимистом. Ибо за свой труд я действительно получаю одно лишь удовольствие. – Кэл весело хохотнул. – Но все равно, я очень рад, что ты к нам приехала. Думаю, мы с тобой сработаемся.

– Как смотришь, если я затею прямо сейчас генеральную уборку в нашем доме? Не будешь возражать?

– Да, обратиться здесь как следует уже давно пора. Спасибо, Тиг. Отличная мысль. Ну, а я пока пошел по своим делам. Увидимся позднее.

С этими словами он натянул на себя теплую куртку и заторопился к дверям.

* * *

Остаток утра я провозилась с кошками, точнее, провозилась без них, потому что, несмотря на все усилия найти питомцев, поиски мои не увенчались успехом. Напрасно я пыталась обнаружить их логово в этих запутанных лабиринтах. Зверушки затаились всерьез и надолго.

– Вот беда будет, если мои подопечные перемерут за первую же неделю своего пребывания на новом месте, – пожаловалась я Кэлу, когда он заглянул домой около полудня, чтобы соорудить себе необъятных размеров бутерброд на ленч. – Они ведь даже не прикоснулись к еде.

– Ну, от голода они точно не умрут, – тут же успокоил меня Кэл. – Жирка у них достаточно, чтобы перекантоваться без еды пару-тройку дней. Не переживай, Тиг. Вот акклиматизируются на новом месте, и все с ними будет в полном порядке.

– Надеюсь. Очень на это надеюсь. А сейчас мне надо в магазин, купить кое-что из продуктов и всякие моющие средства. Где у вас тут ближайшая торговая точка?

– Я поеду с тобой, покажу тебе наш деревенский магазин. А заодно преподам и урок вождения. «Берил» у нас ведь машинка сноровистая. К ней надо приспособиться.

Следующий час я обучалась всем тонкостям вождения нашей «Берил», попутно изучив все ее фокусы. Под чутким руководством Кэла я сумела съездить в магазин и вернуться обратно. Магазин меня откровенно разочаровал. Основной ассортимент – это песочное печенье, бог знает скольких сортов для заезжих туристов. Правда, мне повезло, и я купила картошку, морковь, капусту, немного соленого арахиса и несколько банок консервированной фасоли для поддержания протеина.

Мы вернулись домой, и Кэл снова поспешил в лес, а я какое-то время безуспешно пыталась найти в доме метлу и швабру. Естественно, ничего такого я не нашла. Решила обратиться за помощью уже к настоящей Берил, сходить в дом и позаимствовать у нее на время необходимые мне причиндалы. Пересекла двор, направляясь к черному ходу. Громко постучала в дверь, ответа не последовало. Тогда я распахнула дверь и вошла в коридор.

– Берил, вы где? Это Тигги, – окликнула я экономку, направляясь по коридору в сторону кухни. – Вы здесь?

– Я наверху, милая, – послышался сверху голос Берил. – Инструктирую тут нашу новую приходящую служанку. Через пару секунд спущусь. А вы тем временем ступайте на кухню и поставьте на огонь чайник. Будьте так добры.

Я повиновалась. Поставила кипятить воду и занялась поисками заварочного чайника. Но в эту минуту в кухню вошла Берил в сопровождении молодой девушки с очень бледным, почти бескровным лицом, облаченной в фартук и с резиновыми перчатками на руках.

– Это наша Элисон, – пояснила мне Берил. – Будет содержать дом в образцовом порядке и чистоте, когда на Рождество сюда съедутся гости. Так, Элисон? – Берил говорила медленно, отчетливо артикулируя каждое слово, будто у служанки были какие-то проблемы со слухом.

– Да, миссис Макгерк, я постараюсь.

– Вот и хорошо, Элисон. Жду тебя завтра утром ровно в восемь. Нам еще надо многое успеть до приезда хозяина.

– Да, миссис Макгерк, – снова послушно повторила девушка, бросив испуганный взгляд на свою строгую начальницу. Потом распрощалась с нами кивком головы и поспешно ретировалась из кухни.

– Боже правый! – тяжело вздохнула Берил и, открыв буфет, извлекла оттуда заварочный чайник. – Умом наша Элисон точно не блещет. Но где прикажете взять хорошую прислугу в нашей-то глуши? Слава богу, хоть ходит на своих ногах. Сможет прибегать сюда на работу каждый день. Что уже немало, особенно в зимнее время. Она тут живет неподалеку, на небольшой ферме вместе со своими родителями.

– А вы сами где живете? Далеко? – поинтересовалась я у Берил, наблюдая за тем, как она кладет ложечкой чайные листочки в заварочный чайник.

– Нет, недалеко. Я живу в собственном доме по другую сторону ущелья. Как я понимаю, вы предпочитаете чай без молока?

– Да.

– Но моего домашнего песочного печенья отведаете? Хотя бы кусочек? Оно, правда, с маслом. – Берил показала на тарелку с аппетитной стопкой бисквитов, покрытых толстым слоем карамели и шоколада. – Поскольку молочная ферма находится буквально в двух шагах от моего дома, то могу гарантированно заверить вас, что за коровами там организован образцовый уход.

– Печенье отведаю, спасибо, – ответила я, решив не вдаваться в дальнейшие дискуссии по поводу ухода за коровами. Да и не время сейчас объяснять пожилой экономке свои соображения по этому поводу. Разве не возмутительно, что маленьких телят почти сразу же отлучают от своих матерей, а тех намеренно постоянно случают и держат в состоянии вечной беременности, обеспечивая тем самым максимальные надой молока для людей? Но вслух я сказала другое: – Вообще-то мои запреты по части пищи распространяются только на мясо. И рыбу тоже никогда не ем. А вот что касается молочных продуктов, то время от времени я позволяю себе такую слабость. И молочный шоколад очень люблю, – неожиданно призналась я.

– А кто ж не любит молочный шоколад? – удивилась, в свою очередь, Берил, слабо улыбувшись, и положила мне на тарелку кусочек своего домашнего бисквита. Я почувствовала, что мы обе сделали сейчас по маленькому шажку в направлении выстраивания добрых взаимоотношений. Правда, мне для этого пришлось поступиться своими принципами. – Ну, как вы обустроились на новом месте?

– Все хорошо, – ответила я, с наслаждением откусывая кусочек домашней выпечки, обильно пропитанной сливочным маслом. – Вот пришла к вам, чтобы позаимствовать на время швабру и метлу. А если бы еще и пылесос, то вообще было бы замечательно. Тогда бы я убралась как следует.

– Все это есть. Сейчас дам. Мужчины привычны к грязи, правда? Могут месяцами барахтаться в собственной луже, как те свиньи.

– Наверное, некоторые мужчины действительно грязнули по жизни. Хотя мой отец, к примеру, был необыкновенно чистоплотным человеком. Я второго такого чистюли и не встречала. Вокруг папы всегда царил идеальный порядок. Каждое утро он сам прибирал свою постель, и это притом что в доме у него, *у нас в доме*, была экономка, которая могла бы делать эту работу вместо нас.

Берил окинула меня изучающим взглядом, видно, прикидывая мысленно, какой у меня может быть социальный статус.

– Так вы из джентри, получается? – спросила она.

Слово «джентри» было мне не знакомо.

– А что это такое «джентри»? – задала я встречный вопрос.

– Простите меня, Тигги, но у вас такой хороший английский, что я совсем забыла, что вы иностранка. Французенка, если судить по вашему акценту, да?

– Вообще-то я из Швейцарии, но мой родной язык действительно французский.

– Я хотела сказать, что, судя по всему, вы благородных кровей, из дворянства, – пояснила мне Берил. – Коль скоро у вас в доме даже была экономка.

– Вряд ли. Не думаю, что мы из дворян. Во всяком случае, мы, шесть сестер. Ведь всех нас отец удочерил еще тогда, когда мы были грудными детьми.

– Даже так? Как интересно! А отец никогда не рассказывал вам, откуда вы все родом?

– К несчастью, папа умер пять месяцев тому назад. Но он оставил каждой из нас прощальное письмо. Так, в письме, которое он написал мне, точно указано, где именно он нашел меня.

– Собираетесь наведаться в те места?

– Пока не уверена. Да и потом, меня вполне удовлетворяет мое нынешнее состояние. Я – это я, такая, какая я есть и какой была всегда. У меня было счастливое детство, у меня

замечательные сестры, да и мой покойный отец, пусть и приемный, тоже был потрясающим человеком.

– То есть вам никак не хочется нарушать свою семейную идиллию, так?

– Совсем не хочется, вы правы.

– Но, кто знает, быть может, в один прекрасный день вам и захочется узнать о своем прошлом. Пока же позвольте выразить вам свое соболезнование в связи с вашей утратой. А сейчас о делах насущных. Метлы и швабры стоят в шкафчике, что слева по коридору. Берите все, что вам нужно, и держите их у себя до тех пор, пока не покончите с уборкой дома.

– Спасибо, Берил, – поблагодарила я. Меня тронули ее слова сочувствия и то, как ненавязчиво она пособолезновала мне в моем горе.

– И, пожалуйста, без церемоний спрашивайте у меня все, что вам может впредь понадобится для того, чтобы придать вашему приюту более жилой вид. А сейчас прошу простить, но мне еще нужно позвонить Бену, нашему разнорабочему, напомнить ему, чтобы он завез Чилли, который живет в горах, немного дров.

– Чилли – это тот старый цыган, который обитает в вашем имении?

– Да, это он.

– Маргарет рекомендовала мне обязательно познакомиться с ним.

– Его всегда можно будет найти дома, милая. Ведь он почти никуда не выходит. Совсем разбил старика артрит. Как он там зимует один, в лесу, в горах, ума не приложу. Но сейчас у него хоть есть своя деревянная хижина. Хозяин летом распорядился построить ему этот домик, так что у Чилли по крайней мере тепло.

– Чар... То есть ваш лэрд проявил настоящую доброту.

– Все так, хотя я уже не раз говорила ему, что самое лучшее для Чилли – это переселить его в деревню и вверить на попечение соответствующим социальным службам. Но проблема в том, что всякий раз, как только наши социальные службы озабочиваются его судьбой, Чилли немедленно удирает прочь и прячется где-то в лесу. И его попросту невозможно отыскать. Вот в следующий раз, когда они снова нагрянут к нему, я постараюсь сделать так, чтобы он ничего об этом не знал заранее, – недовольно фыркнула Берил. – Иначе кто-то из нас должен навещать его каждый день, приносить ему еду, пополнять запас дров. Как будто у нас другой работы здесь нет! В любом случае, – Берил подавила тяжелый вздох и взяла трубку радиотелефона, – сейчас мне пора уходить.

Я взяла в шкафчике метлу, швабру, пылесос и кое-как дотащила все это до нашего домика. В сопровождении Тистла, который скорее мешал, чем помогал, возбужденно прыгая вокруг меня.

– Привет, Тиг, – услышала я голос Кэла из глубины сарая. – Я здесь. Отвариваю оленьи головы. Необразишь нам по чашечке чая, а?

– Соображу. Только ты приходи за своей чашкой сам. Я ни под каким предлогом не переступлю порог сарая, пока ты занимаешься всем этим. Ясно?

– Хорошо, договорились! Мне, пожалуйста, два кусочка сахара.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – ответила я с издевкой в голосе. – Вот только сначала занесу в дом швабру и пылесос, если не возражаешь. – Я отвесила шуточный книксен уже на пороге, а потом распахнула дверь в дом.

4

До Рождества осталось ровно две недели. Дни становились короче по мере того, как зима все решительнее вступала в свои права. Но, несмотря на мороз, который затянул инеем окна снаружи, снега на дворе было еще мало, чему я была только рада. Отсутствие снегопадов очень помогло мне обустроить наш с Кэлом и сделать его гораздо более уютным и удобным для

жизни. На следующий день после того, как я попросила у Берил метлу, швабру и пылесос, экономка сама пришла ко мне и принесла целую охапку красивых занавесок на окна с миленьким цветочным узором.

– Выбирайте, что вам больше подойдет. Все эти занавески висели на окнах в большом доме еще до того, как начался ремонт. А потом все там переделали, поменяли полностью мебель, но жалко же выбрасывать их. Они еще вон какие хорошие. Остаются еще бесхозными несколько ковров на пол. Правда, кое-где их поела моль, но так они имеют вполне приличный вид. Постелите их тут, все будет теплее, чем просто ходить по голому каменному полу. Да, и скажите Кэлу, что в сарае, в том, что за домом, стоит старое кожаное кресло. Нужно будет перетащить его сюда. Отлично будет смотреться возле камина.

– О, да ты оказалась самой настоящей маленькой хозяйшечкой. Вон какое уютное гнездышко свила, – пошутил Кэл, увидев результаты моих усилий по обновлению гостиной.

Как ни странно, но мне и самой понравилось заниматься домашним хозяйством и наводить уют в доме. Ведь, в сущности, у меня никогда не было своего дома. Зато сейчас я с удовольствием коротаю вечера, сидя в потертom кресле перед жарко полыхающим камином, а Кэл в это время нежится, лежа на диване и забавляясь с Алисой. Поначалу он отнесся к моей ежихе без особого энтузиазма, но постепенно попал под очарование этого маленького зверька и даже стал часто забирать ее из клетки и играть с ней, а она, наигравшись, сворачивалась калачиком и удовлетворенно засыпала на его огромной ладони. Меня немного расстраивало то, что Алисе он выписал пропуск как домашней постоялице, зато Тистла по-прежнему не пускал даже на порог.

– На Рождество собираешься к своим? – поинтересовался у меня Кэл за завтраком.

Я глянула в окно. Сверкающее инеем ущелье напоминало вполне рождественскую картину с изображением зимнего пейзажа, вставленную в переплет оконной рамы.

– Поначалу действительно планировала вырваться на пару деньков к себе домой, в Швейцарию. Но сейчас едва ли у меня получится. Столько нерешенных проблем с кошками. Да и что я там буду делать одна, без сестер? А девочки тоже, судя по всему, не приедут домой в этом году. Разве что стану горевать, тосковать без отца. Одна, в пустом доме, не очень веселая перспектива.

– А где живут твои сестры?

– Самая старшая, Майя, сейчас живет в Бразилии. Алли – в Норвегии, Стар обосновалась на юге Англии, Сиси, как всегда, странствует по миру в поисках приключений, а Электра, моя самая младшая сестра... О, она может быть где угодно. Она модель. Наверняка ты слышал о ней. Ее все знают.

– Ты хочешь сказать, что *та знаменитая* Электра – это твоя сестра? Та красавица высокого роста, пожалуй, будет повыше меня. Она же вечно красуется полуобнаженной на первых полосах всех газет. Популярности у нее как у самой настоящей рок-звезды, ничуть не меньше.

– Все верно. Это моя Электра, – подтвердила я слова Кэла.

– Вау! Да ты прямо полна сюрпризов, Тиг! Честное слово! – Кэл окинул меня внимательным взглядом. – Но ты же на нее совсем не похожа.

– Потому что мы с ней не родные, – напомнила я ему, издав при этом короткий смешок. – Нас всех удочерили еще в младенческом возрасте. Я же тебе рассказывала, помнишь? Так что кровной связи между нами действительно нет.

– Тогда другое дело, – понимающе кивнул головой Кэл. – Послушай, Тиг! Скажи Электре, что если она вдруг надумает навестить тебя здесь у нас в Шотландии, то я с удовольствием сопровожу ее в наш местный паб и мы с ней пропустим там по паре стаканчиков виски. Передашь?

– Обязательно передам, когда буду разговаривать с ней в следующий раз, – пообещала я и, увидев, каким плотоядным огнем вдруг вспыхнули глаза Кэла, тут же поспешила переменить тему разговора. – А ты сам где собираешься встречать Рождество?

– Там же, где встречаю Рождество каждый год. Вместе со своей семьей в Дорноче. Кстати, приглашаю и тебя, Тигги, к нам на праздничное застолье. Тем более что ты – очень удобный гость. Не станешь покушаться на нашу индейку, – добавил он со смешком.

– Спасибо за приглашение, Кэл, но я еще пока не определилась с окончательным решением. Мне немного не по себе, что мы бросили Ма одну в доме. А она ведь растила всех нас, можно сказать, с пеленок. Возможно, я приглашу Ма сюда, к себе, – бросила я задумчивым тоном.

– Эта Ма, она что, была замужем за твоим отцом?

– Нет. Хотя, вполне возможно, какие-то отношения их связывали. Правда, ничего интимного, – добавила я поспешно. – Отец в свое время нанял ее в качестве нашей няни и гувернантки. То есть все мы выросли под ее неусыпным оком. Она всегда была рядом с нами.

– Странная у вас, однако, семейка, Тигги. Только без обид, ради бога. Во всяком случае, очень нетипичная, в сравнении, скажем, с моей семьей.

– Да я и сама это понимаю. Но, поверь мне, я люблю Ма, и Клавдию, нашу экономку, и всех своих сестер точно так же, как ты любишь своих близких. И мне вовсе не хочется, чтобы после смерти папы наша семья распалась. Правда, отец был стержнем нашей семьи, на котором держалось все. Именно он соединял всех нас. – Я подавила тяжелый вздох. – Во всяком случае, раньше все мы в обязательном порядке собирались дома на рождественские праздники.

– Да, семья – это все. Святое дело, – согласился со мной Кэл. – У каждого из нас могут быть свои причуды. Иной раз кто-то из близких и достанет тебя до чертиков. Но стоит чужаку обидеть твоего сородича, и вся семья тут же встанет за него горой. Что ж, если хочешь пригласить к себе свою Ма, то это будет здорово. А мы, со своей стороны, постараемся сделать грядущее Рождество как можно более... праздничным, что ли. Пойду, прогуляюсь по загонам, посмотрю, что и как. – Кэл поднялся со своего места и ласково потрепал меня по плечу, проходя мимо.

Чуть позже я позвонила Ма и пригласила ее встретить Рождество вместе со мной в Шотландии, но она ответила решительным отказом.

– Спасибо, Тигги, родная моя, за приглашение, спасибо, что вспомнила обо мне. Но я не смогу оставить Клавдию коротать праздники в одиночестве.

– Так пусть и она приезжает вместе с тобой, – затараторила я в трубку. – Правда, у меня тут немного тесновато. Ну да ничего страшного. В тесноте, как говорится, да не в обиде.

– Вообще-то мы уже пригласили к себе Георга Гофмана. И, конечно же, Кристиан тоже будет встречать Рождество вместе с нами.

– Тогда понятно. Ну, раз ты так решила, – пробормотала я немного расстроенным голосом, а про себя подумала: как это грустно, что за рождественским столом в Атлантиде соберутся только слуги, и никого из членов самой семьи.

– Да, милая. Мы тут так решили. Однако Расскажи мне, как ты сама? Как твои бронхи?

– Все замечательно, Ма. Вдыхаю полной грудью галлоны чистейшего горного воздуха.

– Но ты там одевайся потеплее, ладно? Ты же знаешь, у тебя слабая грудка. Ты легко подвержена простудам.

– Обещаю, Ма. Буду укутываться изо всех сил. А сейчас всего тебе доброго и до свидания.

* * *

Несколько дней спустя я позвонила Маргарет, чтобы узнать, как она устроилась в своем новом доме. И она тотчас же пригласила меня на рождественский обед. Я с радостью при-

няла это приглашение. Слава богу, не надо будет беспокоить семейство Кэла своим неожиданным вторжением. А главное – не надо будет заставлять себя лицезреть горы запеченной птицы и прочей мясной снеди, которыми наверняка будет завален праздничный стол в доме Кэла. Я позвала Тистла, и мы отправились вместе с ним на прогулку по имению. Пес очень привязался ко мне и следовал за мной неотступно, буквально по пятам, отлучаясь только тогда, когда его забирали на охоту. Такая неожиданная преданность Тистла постоянно вызывала веселые шуточки Кэла. Я же, со своей стороны, даже пару раз пускала собаку в дом, когда точно знала, что Кэла нет нигде поблизости. Тистл тут же располагался возле камина, нежась в тепле, а я в это время вычесывала старые космы и колтуны из его шерсти, в глубине души надеясь, что хозяин не заметит, как преобразился и похорошел его пес. Сама я всегда мечтала иметь собаку.

Вернувшись с прогулки домой, я нашла там Кэла. Он возился в углу гостиной, устанавливая небольшую рождественскую елочку.

Он оторвался от своего занятия и недовольно зыркнул на Тистла, который сопровождал меня до самых дверей, а сейчас нерешительно мялся на пороге, глядя с мольбой на своего хозяина.

– Тиг, я же просил тебя! И снова повторяю. Я запрещаю пускать Тистла в дом. Иначе он отвыкнет от холода и станет плохо переносить морозы. Превратишь мне пса в бог знает кого!

– Неужели? – виновато спросила я. Интересно, догадывается ли Кэл, что я уже несколько раз нарушала его запрет?

– Именно так. Сделаешь из него неженку и лежебоку. Отправляй его на улицу, и немедленно.

Я нехотя повиновалась. Вывела Тистла во двор, прошептав ему на ухо, что заскочу проведать его попозже. После чего плотно прикрыла за собой дверь.

– Вот подумал, что елка немного поднимет тебе настроение, а заодно и украсит нашу развалюху, – обронил Кэл при моем повторном появлении. – Я выкопал елочку в лесу. Все корни целы, а потому мы сможем снова высадить ее в почву, когда закончатся праздники. Может, завтра сгоняешь в Тейн? купишь гирлянду и елочные украшения, а?

У меня даже слезы навернулись на глаза при виде этой маленькой пушистой красавицы, стоявшей пока немного кривобоко в ведерке с землей.

– Ах, Кэл! Как это мило с твоей стороны, что ты вспомнил о елке. Спасибо тебе большое. – Я подошла к Кэлу и дружески обняла его за плечи. – Завтра же утром, как только покормлю своих кошек, поеду в город за игрушками.

– Да, постарайся съездить туда именно с утра. Потому что по всему видно, что завтра ожидаются сильные снегопады. Все эти южане, они только и мечтают, что о снежном Рождестве. Ну, а в наших краях такого добра, как снег, в избытке. Не припомню, чтобы хоть одно Рождество обошлось у нас без снегопадов и вьюг.

– Ой, не могу дождаться, когда выпадет первый снег, – улыбнулась я в ответ.

* * *

Кэл оказался прав в своих прогнозах. На следующее утро я проснулась и увидела долгожданный снег. Я взяла запасной лендровер, еще более старый и разболтанный, чем наша старушка «Берил», и отправилась в Тейн за покупками. Я вела машину с большой осторожностью.

До Рождества оставалось всего лишь несколько дней, и в маленьком городке вовсю кипела предпраздничная торговля. Я купила гирлянду и игрушки для украшения елки, потом приобрела подарок для Кэла – мягкий шарф-тартан. А Маргарет купила вязаный свитер розового цвета. Возвратившись из города домой, я увидела, что наш раздолбанный лендровер по кличке «Берил» припаркован возле хозяйского дома. Старушку все последние дни рачительно приводили в порядок, потому что ожидали, что Чарли вместе со своей семьей вот-вот нагря-

нет из Инвернесса на рождественские праздники, и тогда машина будет очень востребована. И лишь по завершении всех торжеств машину отдадут в пользование первым платным гостям и туристам, которые подтянутся в имение для проводов Старого и встречи Нового года.

Когда Кэл наконец появился дома, елка уже стояла наряженная, переливаясь разноцветными огоньками. Жарко полыхал камин. В гостиной негромко звучали рождественские гимны. Я специально купила в городе компакт-диск с записями и поставила его для проигрывания на старенькую портативную систему Кэла.

– Вот это да! – восхитился Кэл увиденным. – У меня такое чувство, что скоро и сам Санта-Клаус пожалует к нам в гости, свалится прямиком в дом через дымоход. – Кэл рассмеялся собственной шутке, потом сбросил с себя куртку, снял шляпу, размотал шарф и повесил все это на специальные крюки, которые я заставила его ввинтить в наружную дверь. – Взгляни в окно, Тиг. Между прочим, северный олень уже стоит во дворе. Ну чем не праздник?

Я выглянула в окно и увидела шесть красавцев оленей, которые обычно паслись на лужайке вокруг имения, но сейчас они рискнули приблизиться почти вплотную к нашему домику, явно, чтобы посмотреть на нас. Все самцы, все довольно упитанные. Кэл рассказывал мне, что они почти ручные, потому как их выхаживали и ставили на ноги, когда они были еще детенышами.

– Чувствуешь, дух Рождества уже разлит в воздухе? А уж как отведаешь моего глинтвейна, Тиг, тогда действительно поймешь, что праздник уже стучится в дверь. Что у нас на ужин?

– Запеканка из фасоли. А дичь изволь готовить себе сам, – ответила я и заторопилась на кухню.

– А я и не возражаю против запеканки. Когда ты меня потчевала ею в последний раз, было очень вкусно.

Поглощая запеканку и запивая ее дешевым красным вином, мы с Кэлом принялись обсуждать, как происходит акклиматизация кошек на новом месте.

– Во всяком случае, ни голубей, ни оленьих сердец я более не обнаруживаю в тех местах, где оставляю им корм. Но пока никто из них, за исключением Поузи, так и не показался мне на глаза. Не говоря уже о том, чтобы подойти поближе. А ведь скоро мне предстоит показать их ветеринару. Вопрос лишь в том, удастся ли мне приблизиться к ним.

– Тиг, нельзя заставить животных действовать по расписанию. Процесс адаптации к новым условиям всегда протекает непросто.

– Я все понимаю, – вздохнула я в ответ. – Но на меня давят сроки. В январе у кошек уже начинается брачный сезон. А мои кошки до сих пор пребывают в таком взвинченном состоянии, что даже не осмеливаются вылезти из своих укрытий. Не говоря уже о том, чтобы играть друг с другом, как они это делали раньше. Если честно, то я даже сомневаюсь, испытывают ли они вообще хоть какой-то интерес друг к другу. По-моему, ни малейшего. Ни о какой химии в области чувств не может быть и речи.

– Знаешь, химия – химией, а случка – случкой. Когда идет гон, я своими глазами видел, как одну и ту же самочку покрывают по меньшей мере шесть самцов-оленей, один за другим. Зов природы, против него не попрешь. Вот и ты не теряй надежды на то, что этот же самый зов заставит действовать и твоих мальчишек.

– Будем надеяться, что твой прогноз как знатока дикой природы окажется верным, – сказала я. – Но если к весне у нас не появится потомство, то я очень сильно подведу Чарли. И мне будет стыдно.

– Что за ерунда, Тиг! Наш хозяин не монстр какой. Я с ним уже сегодня, кстати, встречался. Он сказал мне, что сразу же после Рождества обязательно наведается в твои владения.

– О боже! – воскликнула я с отчаянием в голосе. – И что это будет, когда он придет туда, а они даже на глаза не покажутся?

– Думаю, он все поймет правильно. Между прочим, хочу с тобой посоветоваться по одному вопросу. Что бы ты посоветовала мне купить в качестве рождественского подарка для Кейтлин? У меня пока никаких идей в голове. А она ведь, как-никак, была у нас Мисс Рождество.

– А кто это – Кейтлин?

– Моя девушка. Она живет в Дорноче. Но, боюсь, если подарок придется ей не по вкусу, то впредь она не захочет быть моей девушкой.

Я бросила на Кэла откровенно изумленный взгляд.

– У тебя есть девушка? Вау! Но ты же, Кэл, ни единого разу не упомянул о ней.

– Ну, и что тут такого? Это же личное, в конце концов. Да и потом разговор у нас с тобой на эту тему никогда не выливался.

– Но ты же все время, безвылазно, можно сказать, торчишь в имении. Неужели Кейтлин... готова мириться с таким положением дел? Ведь она же тебя не видит неделями.

– Ну, как-то мирится. Пока... Раз в месяц я встречаюсь с ней на выходных. А еще, каждый первый четверг.

– И как давно вы вместе?

– Уже около двенадцати лет, – ответил Кэл, отправляя в рот очередную ложку запеканки. – Пару лет тому назад у нас с ней все закрутилось уже по-серьезному.

– Бог мой! Так почему она не перебирается к тебе сюда, в коттедж?

– Ну, начнем с того, что она возглавляет местное отделение строительной компании в Тейне. А до города, как тебе уже известно, час езды. В наших погодных условиях, когда скоро все вокруг завалит снегом по самую макушку, Кейтлин не может рисковать. Как по такому снегу ей выехать из имения? Да и жить в этой хижине она тоже вряд ли бы согласилась. Это сейчас ты навела в ней хоть какой-то божеский уют. А увидела бы она мои хоромы еще до твоего приезда! Впрочем, сейчас она очень даже может взять и переменить свое решение. – Кэл издал короткий смешок. – Ну, уж коль скоро речь зашла о личном, то что скажешь про себя? У тебя кто-нибудь есть, Тиг?

– Встречалась с одним парнем, когда работала в лаборатории при зоопарке Сервион. Какое-то время у нас с ним были даже отношения. Впрочем, ничего серьезного. Я еще пока не встретила «своего единственного», – призналась я, отхлебывая вино из стакана. – А вот тебе повезло больше. Ты уже нашел свою любовь. Я с удовольствием познакомлюсь с твоей Кейтлин, Кэл. Пригласи ее к нам сюда в один из рождественских вечеров. Какмотришь?

– Видишь ли, Тиг. – Кэл слегка нахмурился. – Мне пришлось соврать Кейтлин. Я сказал ей, что сейчас делю крышу с одной безобразной усатой женщиной. Ну, не говорить же мне, что ты у нас чистая красавица. Сама знаешь, как на такое реагируют женщины.

– Тем более ты просто обязан пригласить ее к нам. И тогда я смогу лично убедить твою девушку в том, что никакой угрозы я для нее не представляю. В любом случае, мне бы очень хотелось познакомиться с ней именно потому, что она – твоя девушка. А что же до подарка, то купи ей какое-нибудь ювелирное украшение.

– Она у меня девушка практичная, – с сомнением в голосе покачал головой Кэл. – Вот в прошлом году, к примеру, я купил ей термоноски, чтобы она могла спать в них зимой, и водостойкие рукавицы. И она, представь себе, была очень довольна моим подарком.

Я с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться.

– Заверяю тебя, Кэл, какой бы практичной ни была женщина или как бы искусно она ни притворялась, что является таковой, а на самом деле все женщины просто помешаны на украшениях.

Спустя час мы, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по своим спальням. Состоявшийся разговор о личном меня очень обрадовал. Потому что, исходя из собственного опыта, могу сказать лишь одно: каким бы продвинутым ни было современное общество в плане

отношений мужчины и женщины, но когда мужчина и женщина живут под одной крышей, то обязательно возникают острые моменты. Во всяком случае, до тех пор, пока не будут установлены соответствующие правила совместного общежития. К счастью, наш сегодняшний разговор с Кэлом четко обозначил границы возможного и допустимого. Не то чтобы я испытывала какое-то сексуальное влечение к Кэлу, нет! Хотя, не скрою, я уже успела привязаться к нему. А хорошей новостью стало то, что я, выросшая в семье, где были одни только девочки, и имея целых пять сестер, обзавелась наконец и столь долгожданным и желанным старшим братом.

* * *

Я глянула на Полсона, который сидел на деревянном настиле прямо надо мной. Грелся на солнышке, демонстративно повернувшись ко мне задом, тем самым недвусмысленно давая понять, что мое присутствие ему лично до лампочки. Ну и пусть себе игнорирует. Я была рада уже хотя бы тому, что он наконец вылез из своей коробки и вошел в открытый вольер. Это вселяло надежду на то, что психологическая травма, нанесенная животному переездом, постепенно затягивается.

На всякий случай я быстро сняла его на свой телефон. Вдруг лэрд – я стала так мысленно величать Чарли Киннаирда, впрочем, как и все остальные обитатели имения, – захочет получить вещественное доказательство того, что наши кошки еще живы.

– С наступающим тебя сочельником, – миролюбиво обратилась я к Полсону. – А завтра утром, если соблаговолишь взглянуть на меня, то я лично поздравлю тебя с Рождеством, глядя прямо в глаза.

Я вышла из вольера и стала карабкаться вверх по склону, размышляя о том, что все кошки ужасно надменные и капризные создания, прямо как самые настоящие королевские особы. Что ж, тогда Полсон, если судить по его замашкам, точно король. Я подняла глаза и увидела на вершине стройную молодую женщину. Она стояла и смотрела вниз, на меня. Бросились в глаза ее необычайно длинные ноги, словно у жирафа. И одета «по-городскому», как выразился бы Кэл. Нарядная лыжная куртка, отороченная шикарным меховым воротником. Густые белокурые волосы сияли на солнце, словно нимб над головой, обрамляя личико с огромными голубыми глазами и чувственным ртом. Такие губки могут надуться, в случае чего, как те подушки, и при этом сразу же увеличатся в объеме в два раза. Но как бы то ни было, а незнакомка была очень хороша собой. Она начала шумно спускаться вниз. При виде незваной гостьи Полсон тотчас же ретировался из вольера к себе в нору.

– Пойдите! – крикнула я, убыстряя шаг. – Минуточку! – Я поспешно вскарабкалась на вершину и развернулась к незнакомке лицом. Впрочем, при ее высоченном росте мои глаза все равно оказались где-то на уровне ее живота. – Прошу прощения, мадам, но на эту территорию вход воспрещен.

– Вот как? – недовольно воскликнула она, смерив меня уничижительным взглядом. – Не думаю, что этот запрет распространяется и на меня.

– Это временные ограничения, – пустилась я в объяснения. – Дело в том, что мы здесь недавно расселили диких кошек. А я сейчас пытаюсь приучить их к новой среде обитания. Кошки – очень темпераментные животные и с подозрением относятся ко всем посторонним. Мне только сравнительно недавно удалось выманить их из укрытий, чтобы они стали выходить в открытый вольер, а потому...

– А кто вы такая?

– Меня зовут Тигги. Я здесь работаю.

– В настоящее время вы тоже занимаетесь работой?

– Да. А потому прошу вас. Будет просто замечательно, если вы снова подниметесь наверх. Конечно, с такой высоты мало что можно разглядеть, но так надо. Лэрд пытается начать раз-

водить диких кошек в своем имении, потому что во всей Шотландии на свободе осталось не более трехсот особей этих животных.

– Я все это прекрасно знаю, – отрезала незнакомка. Я расслышала в ее голосе легкий иностранный акцент. А еще откровенную неприязнь, с какой были сказаны эти слова. – Что ж, тогда не стану мешать вам в реализации вашего маленького проекта. – Она натянуто улыбнулась. – А потому слушаю и повинуюсь. Исчезаю прочь с ваших глаз. Всего доброго.

– До свидания, – попрощалась я с точной копией знаменитой Клаудии Шиффер и посмотрела ей вслед, наблюдая за тем, как она поднимается на гору. Чутье подсказывало мне, что только что я совершенно неосознанно совершила большую ошибку.

* * *

– Я сегодня столкнулась с женщиной. Она подошла совсем близко к нашим кошкам, – за обедом поведала я Кэлу об утреннем инциденте. – Такая очень эффектная блондинка. Прямо вылитая принцесса из диснеевского мультика. И очень высокая.

– А, так это, должно быть, наша хозяйка, – ответил Кэл, расправляясь с супом. – Жена нашего лэрда, ее зовут Ульрика.

– Черт! – невольно выругалась я.

– Что такое, Тигги? Что сподвигло тебя на подобные выражения?

– Получается, что я обошлась с ней непозволительно грубо, Кэл. Мне только-только удалось выманить Полсона из его логова, а тут является она. Естественно, Полсон снова опрометью удрал к себе. Вот я и велела ей убираться прочь, если вкратце. – Я больно прикусила губу, ожидая реакции Кэла.

– Да уж, для этой цацы подобное обращение стало полной неожиданностью, таким ушатом холодной воды, думаю. – Кэл аккуратно вычистил кусочком хлеба внутреннюю поверхность тарелки и отправил его себе в рот. – Пожалуй, ее впервые в жизни посмели поставить на место.

– Боже мой, Кэл, что я наделала? Но я ведь только хотела защитить своих кошек. Неужели она не понимает? Если только разбирается в поведении диких животных.

– О, про диких животных, Тиг, она знает только, какой мех ей больше к лицу. Такая модная штучка вся из себя. Работала моделью, когда была помоложе.

– Должна же я была догадаться, кто эта женщина! Должна была, – продолжала я корить себя.

– А какая тебе разница, кто она такая? Ты не хотела, чтобы кто-то из посторонних спугнул твоих кошек. Так что не переживай по пустякам. И с нее корона не свалилась. Переживет! Знаешь, я готов побиться об заклад, что эта фифа явилась взглянуть не столько на самих кошек, сколько на ту, кто за ними ухаживает. Ведь Чарли наверняка рассказал ей о тебе, а зная эту барышню так, как знаю ее я, отнюдь не удивлюсь такому развороту. Едва ли такая стерпит, чтобы на ее территории вдруг возникла молодая соперница. Тем более такая хорошенькая, как ты.

– Глупости, Кэл! Конечно, спасибо за комплимент. Но если серьезно, то едва ли я смогу составить ей конкуренцию. – Я ткнула себе в грудь, словно заставляя своего собеседника взглянуть непредвзятым взглядом на мое худенькое тельце безо всяких там соблазнительных женских изгибов и выпуклостей, упакованное в старый вязаный джемпер с аранами, такими толстыми косичками и ромбами, что делает свитер особенно теплым. Правда, за минувший год, что я прожила у Маргарет, его изрядно поела моль.

– Как бы то ни было, Тигги, а придется тебе наводить на себя красоту к сегодняшнему вечеру. Хозяева устраивают у себя в доме шумную вечеринку с танцами по случаю Рождества. Я как-то совсем забыл сказать тебе, что наш лэрд придерживается тех же традиций, которые

существовали и при его отце. В Рождественский сочельник в парадной зале дома собирают гостей, потчуют их выпивкой, потом танцы и все такое. Словом, чтобы к вечеру была при полном параде.

– Что?! Какая вечеринка? – Я в ужасе глянула на Кэла. – У меня даже одежды нет соответствующей.

– Хорошо! Тогда просто прими ванну. Чтобы от тебя не воняло твоими драгоценными кошечками.

Вечером я перебрала весь свой нехитрый скарб. Получается, что, кроме этого изъеденного молю свитера, который на мне, в запасе еще есть мои «выходные» черные джинсы и рубашка в красную клеточку. Что ж, придется идти в том, что есть. Я не стала собирать свои непослушные каштановые кудри в хвост, а оставила их свободными. Потом слегка тронула скулы пудрой и легонько прошлась помадой по губам.

Кэл уже поджидал меня в гостиной. Я невольно издала восхищенный возглас, увидев его в национальном костюме: килт в темно-синюю и зеленую клетку, кожаная сумка с мехом, закрепленная на пряжке ремня, тоже как обязательная часть костюма шотландского горца, наконец, на поясе нож, вставленный в ножны.

– Ну, Кэл, ты сегодня бесподобен!

– Да ты тоже, как я посмотрю, навела марафет. Почистила свои перышки, – одобительно ответил он. – Что ж, тогда идем в гости.

Мы вышли напрямик к парадному входу в дом. Уже на крыльце я услышала шум голосов и смех, доносящиеся изнутри.

– Только раз в году нам, пейзамам, разрешается переступить парадный порог господского дома. Это в канун Рождества, – негромко промолвил Кэл, открывая мне дверь. Мы вошли в холл. В лестничном проеме красовалась величественная рождественская елка, украшенная множеством разноцветных лампочек, в огромном камине жарко полыхал огонь. Языки пламени выхватывали из полумрака лица гостей, которые все прибывали и прибывали. Мужчины все, как и Кэл, в килтах, женщины с шарфами-тартанами, закрепленными на плече или по поясу. Берил и Элисон разносили гостям горячий глинтвейн и сладкие пирожки с начинкой из изюма и миндаля.

– Прекрасно выглядите, Тигги, – похвалила меня Берил. – С Рождеством вас.

– Я вас тоже поздравляю. – Я чокнулась с экономкой и отхлебнула глоток глинтвейна из своего бокала, исподтишка разглядывая собравшихся. Где-то же здесь должны быть и Чарли Киннаирд со своей женой.

– Хозяйка еще не спускались, – словно прочитала мои мысли Берил. – Наша новая хозяйка тратит уйму времени на то, чтобы предстать на людях в должном свете. Вот и сейчас наверняка наводит на себя блеск, чтобы явиться перед своими подданными во всем величии, – добавила она, слегка поджав губы.

Берил плавно переместилась к очередной группе гостей, а я стала прохаживаться по холлу. Большинство собравшихся были уже людьми немолодыми, явно пенсионного возраста. Но вот взгляд мой выхватил из толпы молоденькую девочку, совсем еще подростка. Она смотрелась абсолютно инородным телом в этой седовласой массе. Девочка стояла в одиночестве, держа в руках свой бокал с глинтвейном. По ее лицу была разлита нескрываемая скука. А как еще можно в ее возрасте реагировать на подобное сборище стариков? Я подошла к ней поближе и тут же уловила знакомые черты лица – те же ярко-голубые глаза и безупречная кожа, как и у той женщины, которую я встретила сегодня утром неподалеку от вольеров с дикими кошечками. Вот только волосы не белокурые, а рыжие, с красноватым отливом. И подстрижены коротко. Если судить по ее тоненькому свитерку и рваным джинсам, то девчушка не очень озаботилась тем, чтобы предстать перед гостями в праздничном одеянии.

– Привет, – поздоровалась я с девочкой, подходя к ней поближе. – Меня зовут Тигги. Я недавно стала работать тут, в имении. Ухаживаю за дикими кошками, пока они обживаются на новом для себя месте.

– О да. Папа рассказывал мне о вас. А меня зовут Зара Киннаирд. – Голубые глаза Зары скользнули по мне оценивающим взглядом. Прямо точь-в-точь, как ее мамаша сегодня утром. – А вы выглядите слишком молодо, чтобы быть консультантом у папы по вопросам разведения диких кошек. Сколько вам лет?

– Двадцать шесть. А тебе? Не возражаешь, если мы перейдем на «ты»?

– Не возражаю. Мне шестнадцать. Ну, и как твои кошки чувствуют себя на новом месте? – спросила у меня Зара, и я сразу же почувствовала, что эта тема ее действительно интересует.

– Процесс адаптации длительный, но мы потихоньку движемся в заданном направлении.

– Как бы я хотела оказаться на твоём месте. Целый день проводить на открытом воздухе, работать с животными... А тут приходится торчать часами в школе, где тебя душат этой ужасной математикой и прочей ерундой. Скукотень, одним словом. Но мама и отец не позволят мне переехать сюда и работать в нашем заповеднике до тех пор, пока я не получу образования.

– Ну, ждать-то ведь совсем немного осталось. Я права?

– Целых восемнадцать месяцев. Да и потом... Мама наверняка захочет, чтобы я трудилась редактором в каком-нибудь модном журнале типа «Вог». Не знаю, что она там себе напридумала на мой счет. – Девочка недовольно фыркнула. – Ты куришь? – спросила она у меня, переходя на шепот.

– Нет, я не курю. А ты?

– Курю, когда родителей нет поблизости. У нас в школе все курят. Давай выйдем на пару минут на улицу, чтобы я смогла затянуться. А если кто спросит, ты скажешь, что водила меня показать тех оленей, которые сейчас кормятся в хлеву. Ну, или что-нибудь еще... Здесь же тоска зеленая.

Вот уж чего мне хотелось меньше всего на свете: чтобы кто-нибудь застукал меня сейчас за сараем в компании с дочерью лэрда, да еще с сигареткой во рту. Но девочка мне нравилась, а потому я ответила согласием на ее предложение, и мы незаметно выскользнули на крыльцо. Зара тотчас же извлекла из кармана своего свитерка помятую папироску и зажигалку и закурила. Я невольно обратила внимание на ее пальцы, сплошь унизанные массивными серебряными кольцами, с ногтями, покрытыми черным лаком. И сразу же вспомнила свою сестру Сиси, которая тоже практиковала такой экстремальный стиль, когда ей было столько же лет, сколько Заре сейчас.

– Папа посоветовал мне поговорить с тобой, пока я буду здесь, расспросить у тебя, чем ты занималась, пока работала в питомнике у Маргарет, – промолвила она, выпуская очередную струйку дыма на морозный воздух. – А тебя так называли в честь того ежика из сказки Беатрикс Поттер, да? – задала она свой следующий вопрос, не дав мне возможности ответить, чем именно я занималась у Маргарет.

– Может быть. Это мое детское прозвище. Наверное, потому, что в детстве мои волосы торчали в разные стороны, словно иголки у ежика. А вообще-то меня зовут Тайгете.

– Какое необычное имя. Откуда оно?

– Меня и моих сестер называли в честь звезд, входящих в созвездие Плеяды. Его еще называют «Семь сестер». Взгляни вон туда. – Я махнула рукой на безоблачно чистое ночное небо. – Вот это созвездие, прямо над теми тремя звездочками, которые выстроились в одну линию, словно стрела. Их называют Пояс Ориона. Согласно легенде, Орион гонялся за сестрами по всему небу. Ну, что? Видишь?

– Вижу! – воскликнула Зара с неподдельным волнением в голосе. Прямо как ребенок! – Они такие крохотные, эти сестры, но я все равно вижу, как они мерцают. Я всегда интересовалась звездами, но в школе астрономии практически не уделяют никакого внимания. Согласна

со мной? Расскажи, как ты получила степень по зоологии? Если меня все же заставят поступать в университет, то я бы тоже хотела заняться изучением зоологии или чего-нибудь подобного.

– Я очень счастлива, что изучала в университете именно зоологию. Честно признаюсь тебе в этом. Но тебе не кажется, что нам пора присоединиться к остальным гостям? Вполне возможно, твои родители уже ищут тебя.

– Вряд ли. Они сегодня ссорились наверху, причем по-крупному. Мама категорически отказывается спускаться вниз к гостям, а папа пытается уговорить ее. Словом, все как всегда. – Зара недовольно округлила глаза. – У мамы сразу же начинается истерика, если папа в чем-то не согласен с ней. А потом он тратит уйму времени на то, чтобы успокоить ее и привести в чувство.

Из того, что рассказывала Зара о своем отце, у меня никак не складывалось представление о нем как о человеке, который полностью контролирует не только ситуацию, но и все вокруг себя. Однако не мое это дело – совать нос в чужие семейные дела. А потому я перевела разговор на другое и стала рассказывать Заре о том, как я получила степень по зоологии, и о том, как мне работалось у Маргарет. В лунном свете глаза девочки светились живым интересом ко всему, о чем я ей рассказывала.

– Но это же просто потрясно! – воскликнула она с энтузиазмом. – Теперь, когда папа уже стал полноправным хозяином всего поместья, я даже попросила его оставить в нашем имении несколько акров свободной земли для того, чтобы на этой территории организовать в дальнейшем питомник по уходу за животными, как это было у Маргарет. А со временем можно будет даже устроить там мини-зоопарк, такой живой уголок, что ли, куда местные могли бы приводить своих малышей, чтобы те полюбовались нашими питомцами.

– Отличная идея, Зара. И как отреагировал твой отец на это предложение?

– Сказал, что на данный момент у нас нет денег ни на что. – Зара подавила вздох разочарования. – Но я же говорила ему, и не раз, что готова сразу же после окончания школы переехать сюда и работать тут целыми днями, чтобы хоть как-то помочь ему. Но у него другие планы на мой счет. Вначале я должна окончить школу, потом поступить в универ. Но ведь вот Маргарет, к примеру! У нее же нет степени, верно? Главное – это любить животных, по-моему.

– Все верно, Зара. Но университетское образование поможет тебе в будущем выстроить свою профессиональную карьеру.

– А я и без того отлично представляю свое будущее! – Девочка широко раскинула руки, словно хотела обнять все вокруг себя, а в ее глазах я прочитала самую настоящую страсть. – Больше всего на свете я хочу провести всю оставшуюся жизнь здесь, в Киннаирде. Вот ты, когда тебе было столько же лет, сколько мне сейчас, знала, что хочешь в будущем работать с животными?

– Да, знала.

– Животные, они ведь гораздо лучше людей, не правда ли?

– Ну, животные, как и люди, бывают разными. Вот взять, к примеру, моего Полсона. Это – одна из наших кошек. Он такой же капризный, как самая настоящая оперная примадонна. Конечно, будь *он человеком*, вряд ли он мне понравился бы.

– Примадонна, говоришь? Прямо как моя мама! – Девочка весело хихикнула. – Однако пошли в дом. Увидим, соизволили ли мои предки наконец спуститься вниз к своим гостям.

Мы направились в сторону дома, а я размышляла по пути, что Зара – это типичное олицетворение того, что мы называем переходным возрастом. Очень непростое время в жизни любого подростка: уже не ребенок, но еще и не взрослая женщина.

К моменту нашего возвращения холл был забит людьми до отказа. Зара тут же принялась приветствовать кого-то взмахом руки, кому-то посылать воздушные поцелуи. Если судить по почтенному возрасту тех, кому эти поцелуи предназначались, то получалось, что все эти люди знали девочку, можно сказать, с пеленок. Впрочем, чему же удивляться? Она ведь здесь прин-

песса, будущая наследница Киннаирда. Я невольно почувствовала укол зависти при мысли о том, что в один прекрасный день вся эта красота станет ее законной собственностью. Утешало лишь одно. Судя по всему, девочка действительно очень привязана к имению.

Мои размышления были нарушены появлением рядом с нами миниатюрной женщины с копной ярко-рыжих кудрей и слегка уставшими голубыми глазами.

– Зара, ты нас не познакомишь? – обратилась она к девочке.

Зара повернулась к ней и тут же расцеловала в обе щеки.

– Кейтлин! Как я рада видеть тебя! Тигги, это Кейтлин, вторая половинка нашего Кэла. Лучшая половинка! Кейтлин, это Тигги. Она будет работать у нас в имении какое-то время.

– А-а, Кэл рассказывал мне о вас. Ну, и как вам живется с ним под одной крышей? Не самое уютное местечко, где можно предаться отдыху, не так ли?

– О нет! Все отлично! Ваш Кэл сделал все возможное, чтобы скрасить мое пребывание здесь. Да и сам дом немного преобразился в лучшую сторону. Я, по мере сил, постаралась навести в нем относительный уют для нас двоих и...

«*Ради всех святых, Тигги, заткнись!*» – тотчас же одернула я себя, увидев выражение лица Кейтлин.

Зара выручила меня. Бросилась расспрашивать Кейтлин о том, как ей работает в строительной компании, а через пару секунд к нам присоединился и Кэл с рюмкой виски в руке. Он возник перед нами в сопровождении миловидной худенькой женщины лет сорока с небольшим. Чувствовалось, что Кэл очень смутился, увидев свою невесту рядом с соседкой по общежитию.

– О, я вижу, вы уже успели познакомиться, – одобительно хмыкнул он. – Я и сам думал свести вас, вот только нигде не мог найти Тигги. – Кэл бросил влюбленный взгляд на Кейтлин и обнял ее своей загорелой ручищей за хрупкие плечики с такой силой, что даже расплескал виски из своей рюмки.

– Да, мы уже познакомились, – ответила Кейтлин и тоже улыбнулась. Вот только глаза ее при этом оставались холодными и не улыбочивыми.

– Ну, раз так, – поспешил он уйти от дальнейшего обсуждения этой щекотливой темы, – я тут привел с собой еще и Фийону. Тоже для того, чтобы познакомить с Тигги. Тигги, это наш местный ветврач. Фийона Мак-Дугал, прошу любить и жаловать! По-моему, ты мне говорила, что хочешь, чтобы кто-то из специалистов глянул на твоих кошек. Вот тебе нужная женщина.

– Добрый вечер, Тигги. Очень рада нашему знакомству, – тепло поприветствовала меня Фийона своим нежным голосом с утонченным шотландским акцентом.

– Я тоже очень рада, – ответила я совершенно искренне, радуясь вдвойне, что смогла наконец немного дистанцироваться от Кейтлин. Мы не успели продолжить нашу с ней беседу, потому что в этот момент на парадной лестнице рядом с нами полыхнуло чем-то очень ярким. Мы, как и все остальные гости, задрали головы вверх. Раздались бурные аплодисменты. Та самая женщина, с которой я столкнулась сегодня утром возле вольеров с дикими кошками, облаченная в ярко-алое платье облегающего покроя, с тартаном, закрепленным на плече, плавно спускалась по ступенькам, опираясь на руку своего мужа Чарли Киннаирда. Последний раз я видела Чарли в больничном интерьере. Зато сейчас он предстал перед всеми во всем блеске: смокинг, галстук-бабочка и, конечно, килт. Ни дать ни взять, точная копия своих многочисленных предков, портреты которых украшают все стены в этом доме.

Когда они остановились на промежуточной площадке в середине пролета, прежде чем преодолеть несколько последних ступеней, я вдруг почувствовала, как у меня перехватило дыхание. И не столько из-за ослепительной красоты хозяйки дома, хотя она и выглядела просто потрясающе. Нет, *из-за него*. Я даже покраснела от смущения, пережив уже знакомые мне спазмы в нижней части живота. Точно такие же, как и при нашей первой встрече с Чарли.

Супружеская чета замерла на площадке. Жена вальяжно махнула рукой, приветствуя толпу, собравшуюся внизу. Такое впечатление, что ее обучали урокам этикета старшие пред-

ставители британской королевской семьи. Чарли неподвижно стоял рядом с женой, но по его фигуре, по развороту плеч было видно, как он внутренне напряжен. Такое же напряжение я заметила и тогда, когда проходила у него собеседование. Несмотря на легкую улыбку, скользившую по его губам, чувствовалось, что он явно не в своей тарелке.

– Леди и джентльмены, – начал Чарли, сделав короткий взмах рукой, призывая к тишине. – Прежде всего, хочу выразить вам свою благодарность за то, что вы почтили своим присутствием наш ежегодный семейный праздник по случаю сочельника. Но впервые я выступаю на этом празднике в качестве хозяина, хотя все предшествующие тридцать семь лет был его неизменным участником. Как вы знаете, в феврале уходящего года мой отец Ангус скончался во сне, а потому хочу первым делом попросить всех вас поднять свои бокалы, а Берил уже любезно позаботилась о том, чтобы виски подали всем гостям, за светлую память моего отца. – С этими словами Чарли взял стакан с подноса, который услужливо подставила ему Берил, поднес его к губам и снова повторил. – За Ангуса.

– За Ангуса! – хором откликнулись собравшиеся.

– Я также хотел бы поблагодарить всех, каждого из вас, за ту помощь, которую вы оказывали нашей семье все эти годы по содержанию имения в надлежащем порядке. Многие из вас уже в курсе, что, несмотря на некоторую растерянность, которую я пережил в первые месяцы после столь неожиданной и скоропостижной смерти отца, сегодня я уже вполне определенно представляю себе будущее имения Киннаирд. Нам надлежит совместными усилиями сделать из него имение двадцать первого века и при этом постараться максимально сохранить и воссоздать заново уникальную красоту природы в здешних местах. Задача не из простых, но я уверен, что при поддержке местных жителей мне удастся справиться со всеми намеченными планами.

– У вас точно все получится! – громко выкрикнул какой-то мужчина, стоявший рядом с Чарли. Он извлек из кармана своего пиджака плоскую фляжку, открыл ее и сделал большой глоток.

– И наконец, – продолжил свой спич Чарли, – хочу поблагодарить свою жену Ульрику за то, что она поддерживала меня и была рядом весь этот трудный год. Без ее участия я бы не справился. За тебя, дорогая.

Все снова вскинули вверх свои стаканы, хотя они и были уже пусты, а Чарли между тем закончил:

– И конечно, свою дочь Зару. Зара, ты где? – Чарли обвел глазами зал. Я тоже оглянулась по сторонам. Но Зара куда-то бесследно исчезла. – Что ж, все мы прекрасно знаем, как Зара обожает прятаться в самый неподходящий момент.

Последние слова лэрда гости встретили веселыми, понимающими смешками.

– Позвольте еще раз пожелать собравшимся гостям, всем и каждому из вас, счастливого Рождества.

– Счастливого Рождества! – хором отозвались гости.

– А сейчас, пожалуйста, угощайтесь, наполняйте свои бокалы, а мы тем временем быстро свернем все ковры и подготовим помещение к танцам.

– Какую вдохновенную речь толкнул наш лэрд! Согласны? – воскликнул Кэл, потом схватил своей огромной лапищей нежную ручку Кейтлин и, пробормотав что-то нечленораздельное на предмет того, что они с Кейтлин пойдут и поищут еще спиртного, потянул ее за собой.

– Хороший парень этот Кэл, – обронила Фийона, глядя им вслед. – Ну, как вы? Уже обжились у нас? – Она снова повернулась ко мне и доброжелательно улыбнулась.

Какие у нее умные глаза, невольно восхитилась я.

– Потихоньку привыкаю, – ответила я. – Здесь такая красотища, что порой мне хочется просто взять и раствориться без остатка в этой красоте. Правда, сегодня мне немного непри-

вычно. После трех недель, можно сказать, полнейшей изоляции, видеть вокруг себя столько людей.

– Я вас отлично понимаю. Схожие чувства испытывала и я, когда перебралась сюда из Эдинбурга.

– Даже так? А позволительно ли мне поинтересоваться, что сподвигло вас бросить большой город и переехать жить в Высокогорную Шотландию?

– Влюбилась в здешнего парня, вот и все дела, – ответила она просто. – Я тогда уже заканчивала Эдинбургский университет, где обучалась ветеринарии. У меня было что-то вроде преддипломной практики в одной из здешних ветеринарных клиник неподалеку от Киннаирда. Тут я и познакомилась с Хеймишем. У него свое небольшое фермерское хозяйство по соседству с имением. После окончания университета мне предложили работу в одной из крупных клиник Эдинбурга, но сердце мое было уже покорено. Словом, я вышла замуж и переехала сюда. Поступила на работу в местную ветеринарную клинику, а когда Ян, мой партнер по бизнесу, пару лет тому назад ушел на покой, я возглавила клинику.

– Понятно. Работы много?

– Очень. Хотя контингент моих пациентов несколько иной, чем, скажем, в больших городах. Здесь, помимо домашних питомцев, с которыми я общалась, когда работала в Эдинбурге, это еще и бесконечная вереница коров и овец.

– Работа вам нравится?

– Очень! – Она издала короткий смешок. – Хотя, конечно, когда тебя поднимают по вызову в три часа ночи, чтобы помочь разродиться какой-нибудь страждущей телке, и тебе приходится добираться туда по пояс в снегу, то приятного в этом мало.

Рядом с Фийоной вдруг возник высокий широкоплечий юноша-блондин.

– Привет, мама. А я все гадал, куда это ты запропастилась.

Его чистые серо-зеленые глаза, точь-в-точь, как у самой Фийоны, сияли в огнях люстры, словно две звездочки. Сразу видно, мать и сын, подумала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.